Smert' na chervontsakh

Moskva

1895

Reel: 51 Title: 2

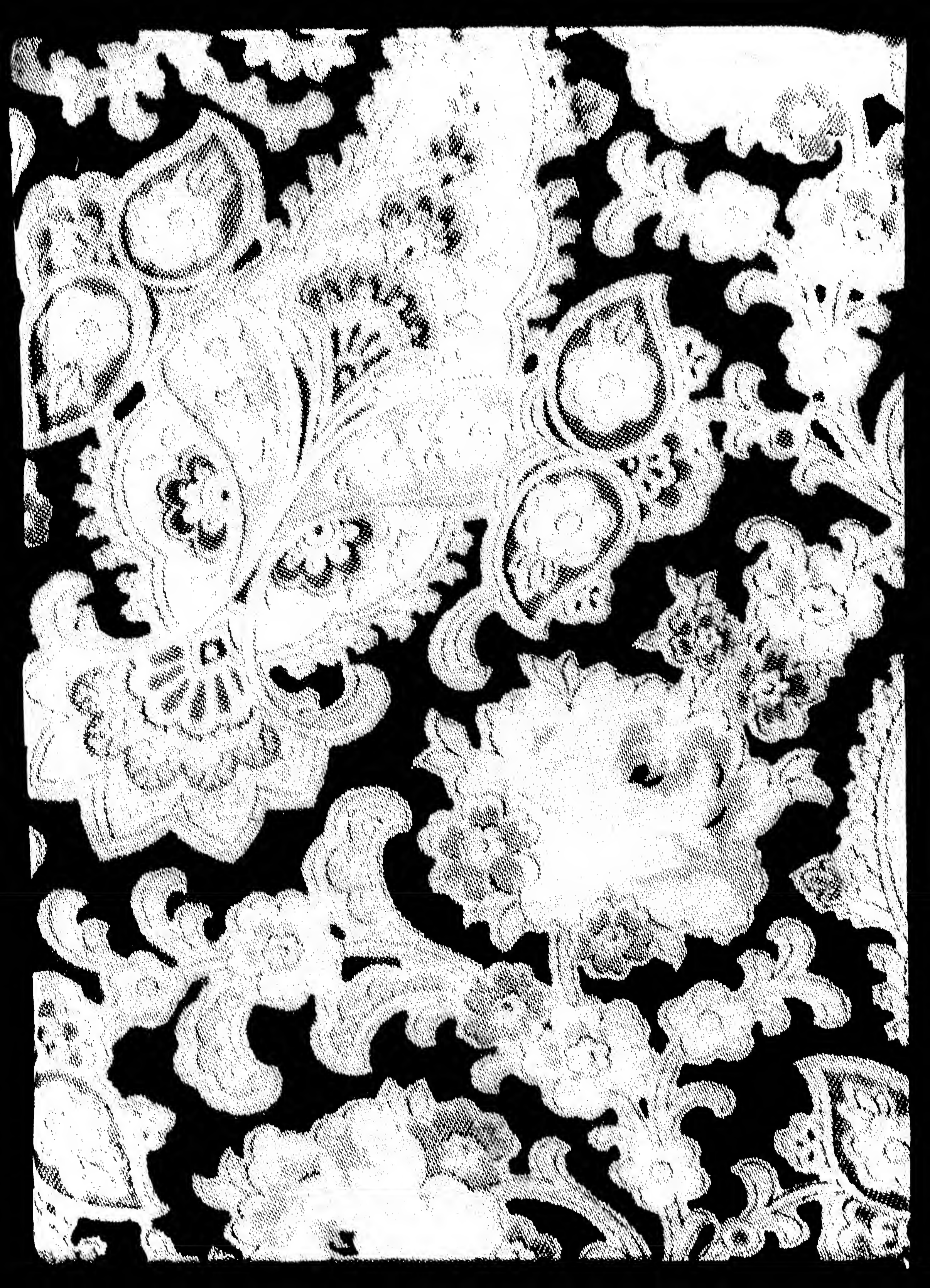
BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCl00051.02

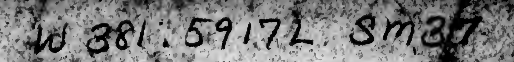
Control Number: BGL-6288
OCLC Number : 24822087
Call Number : W 381.5917L Sm37
Title : Smert' na chervontsakh : starinnoe predanie.
Imprint : Moskva : Izdanie E. A. Gubanova, 1895 (Moskva : Tipo-lit. Vysochaishe utverzhd. "Russkago t-va pechat. i izd. diela Chistye prudy" (?))
Format : 108 p. ; 17 cm.
Subject : Chapbooks, Russian.
Subject : Legends Russia.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10/21/94
Camera Operator: AR

СМЕРТЬ
НА

ЧЕРВОНЦАХЪ

СМЕРТЬ
НА
ЧЕРВОНЦАХЪ.

Старинное преданіе.

Изданіе книгопродавца
Е. А. Губанова.

МОСКВА.
Типо-Лит. Высочайше утвержд. „Русскаго Т-ва печат. и изд. дѣла“ Чистые Пруды, соб. д.
1895.

ГЛАВА I.

Коварный врагъ.

Въ началѣ пр[illegible] нее царствова[illegible] [illegible]го въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]жилъ [illegible] длин- [illegible] обр[illegible] уже давно [illegible]ать [illegible] и теперь жилъ одинъ въ своемъ громадномъ домѣ; толь- ко любимый приказчикъ его былъ един- ственнымъ собесѣдникомъ Логинова. Оба старика порядочно таки пожили на свѣтѣ и разговорамъ ихъ о минув-

шемъ времени не было конца. Старикъ Логиновъ былъ характера суроваго, любилъ уединеніе и не знался ни съ кѣмъ. Говорили люди, что старикъ очень богатъ и что въ его кладовыхъ находятся большіе желѣзные сундуки съ золотомъ и серебромъ. Рядомъ съ домомъ Логинова стоялъ домъ купца Гвоздикова. Гвоздиковъ былъ совершенно противоположенъ своему сосѣду: часто ѣздившій по своимъ торговымъ дѣламъ за границу, онъ перенялъ у иностранцевъ и ихъ одежду и манеру и обращеніе; даже злые языки говорили, что онъ и вѣру православную перемѣнилъ. У Гвоздикова было семейство, состоящее изъ жены и дочери, которой было лѣтъ семнадцать. Звали ее Надежда. Это была прехорошенькая дѣвушка, съ ясными голубыми глазами и длинной русой косой. Всѣ очень любили хорошенькую Надю и много уже было жениховъ у ней, но отецъ не торопился выдавать дочь, говоря, что еще она у него молода, а женихи всегда будутъ, потому, что не безприданница Надя, слава Богу наберется добраго дать за нею. Надя сама отказывалась отъ жениховъ и про-

сила отца не выдавать ее замужъ. Причина этому была... впрочемъ читатель впослѣдствіи самъ увидитъ, почему Надя отказывалась отъ жениховъ.

Теперь вернемся въ домъ Логинова.

Выспавшись послѣ обѣда и напившись квасу, Логиновъ засвѣтилъ свѣчу и, усѣвшись за большимъ дубовымъ столомъ, началъ разбираться въ своихъ бумагахъ, которыхъ, нужно замѣтить, было громадное число, ибо Логиновъ былъ страшный что называется сутяга, любилъ таскаться по судамъ съ челобитными за всякими пустяками.

Вотъ онъ взялъ одну бумагу, прочиталъ ее и, нѣсколько подумавши, крикнулъ:

— Ай, Сидоръ, поди-ка сюда!

Вскорѣ вошелъ въ комнату высокій, худощавый старикъ. То былъ Сидорычъ, приказчикъ Логинова.

— Что угодно, хозяинъ? спросилъ онъ.

— Садись, Сидорычъ, хочу я съ тобой потолковать объ одномъ дѣльцѣ, отвѣтилъ Логиновъ, указывая на стулъ рядомъ съ собою.

Сидорычъ сѣлъ и молча смотрѣлъ

на хозяина, ожидая отъ него какихъ либо словъ.

— Вотъ, Сидорычъ, началъ Логиновъ показывая приказчику бывшую въ рукѣ бумагу, нужно-бы деньги получить по этой роспискѣ.

— А чья росписка? спросилъ Сидорычъ.

— Никанора Наумова.

— Это какого такого Наумова?

— Ну, неужели не знаешь? Приказчика Гвоздикова.

— Ахъ, да, да! сказалъ Сидорычъ, а я нѣшто и забылъ. А много долженъ тебѣ Наумовъ!

— Сто рублевъ.

— Такъ скажи ему, чтобы заплатилъ.

— И то хочу, давно ему пора, если самъ не хочетъ, такъ я и приневолю, сердито сказалъ Логиновъ.

— Знамо, приневолишь, согласился Сидорычъ.

— Поди, Сидорычъ, позови его ко мнѣ, скажи, что по нужному дѣлу.

— Ладно, хозяинъ.

Приказчикъ всталъ и вышелъ.

Чрезъ нѣсколько времени онъ воротился въ сопровожденіи молодого чело-

вѣка высокаго роста. То былъ Наумовъ, приказчикъ Гвоздикова. Онъ низко поклонился Логинову и сказалъ:

— Что прикажешь, Антонъ Логиновичъ?

— А вотъ хочу посердиться на тебя, полушутя, сказалъ Логиновъ.

— Чѣмъ-же провинился я? сказалъ молодой человѣкъ.

— А тѣмъ, что долги свои забываешь. Мнѣ вотъ ужъ сколько мѣсяцевъ сто рублевъ долженъ, а не можешь отдать.

— Простите, Антонъ Логиновичъ, ей Богу теперь денегъ нѣтъ, проговорилъ молодой человѣкъ.

— Чай жалованье получаешь!

— Это точно, но у меня есть престарѣлые родители, имъ и посылаю, вотъ поправлюсь дѣлами и заплачу вамъ, не пропадетъ за мной. Проговоря эти слова, Наумовъ поклонился.

— Ну, ладно, будь по твоему, подожду.

— Будьте милостивы.

— Теперь ты мнѣ вотъ что скажи: какъ поживаетъ дочь твоего хозяина? проговорилъ Логиновъ, стараясь быть

равнодушнымъ, а между тѣмъ какъ руки его дрожали, а глаза безпокойно бѣгали.

— Слава Богу, здорова, отвѣтилъ Наумовъ и на его щекахъ показался яркій румянецъ.

— Чай жениховъ много сватается? продолжалъ Логиновъ.

— Сватаются, отвѣчалъ Наумовъ.

— Нравятся дѣвицѣ-то?

— Надо полагать, нѣтъ.

— Почему-же?

— А вотъ не выходитъ ни за одного замужъ.

— А у меня вотъ есть на примѣтѣ одинъ женихъ, сказалъ Логиновъ и его глаза еще болѣе забѣгали.

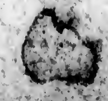
— Кто таковъ?

— Человѣкъ хорошій, степенный и хотя не молодой, но лучше другого и молодого, говорилъ Логиновъ.

Тутъ Наумовъ смутился и молча смотрѣлъ на Логинова. Потомъ онъ посмотрѣлъ на него очень пытливо и сказалъ:

— Кто-же таковъ?

— А хоть бы я, отвѣтилъ тихо Логиновъ.

— Вы?! изумился молодой человѣкъ, и губы его дрогнули.

— Да, любезный Никанорушка,—я; давно мнѣ нравится дочь твоего хозяина и давно думаю посвататься. По правдѣ сказать я тебя позвалъ не за тѣмъ, чтобы ты уплатилъ мнѣ деньги, это пустое, я могу ждать, послѣ отдашь, [illegible] хотѣлъ я сватать тебя просить. Знаю я, что Гвоздиковъ любитъ тебя и уважаетъ и даетъ вѣру твоимъ словамъ и если ты замолвишь обо мнѣ словечко на счетъ сего, то авось я и породнюсь съ нимъ.

— Не бывать этому, мрачно сказалъ Наумовъ.

— Какъ? удивился Логиновъ, вовсе не ожидая такого отвѣта.

— Не бывать этому, повторилъ молодой человѣкъ.

— Да что ты мелешь! говори толкомъ, засватана она что-ль?

— Пока нѣтъ еще.

— Такъ чѣмъ же я не женихъ?

— Я самъ думаю жениться на Надеждѣ Андреевнѣ, проговорилъ Наумовъ и смѣло взглянулъ Логинову въ глаза.

— Ты? могъ только сказать Логиновъ, приподымаясь съ мѣста.

— Такъ точно.

— Да ты шутишь што-ль со мной?

— Я говорю правду.

— Ахъ ты сумасшедшій! Да какъ ты можешь говоритъ это! вскричалъ страшно доблѣднѣвши Логиновъ.

— Отчего-же не смѣть? сказалъ Наумовъ.—Вы-же говорите.

— Да это я, а не ты нищій! вскричалъ бѣшено Логиновъ.

— Я не нищій, замѣтилъ Наумовъ.

— Нищій и дуракъ! кричалъ Логиновъ, сжимая кулаки.

— Не ругайтесь, Антонъ Логиновичъ, спокойно замѣтилъ Наумовъ, я васъ не трогаю.

— Пошелъ вонъ, негодяй, и сеичасъже принеси мнѣ деньги, а то я тебя!..

Страшная злоба исковеркала все лицо Логинова и отъ бѣшенства онъ не могъ говорить.

— Не гоните, я уйду самъ.

Послѣ сего Наумовъ поклонился и вышелъ. Логиновъ не скоро опомнился послѣ его ухода. Онъ ходилъ взадъ и

впередъ по комнатѣ и кричалъ, размахивая руками:

— Ахъ, нищій дуракъ, туда-же за богатыми невѣстами лѣзетъ! Да онъ у меня завтра-же въ Сибири будетъ, ничего не пожалѣю, лишь бы его мерзавца закабалили куда нибудь!

Потомъ Логиновъ видя сидящаго въ углу Сидорыча, сказалъ ему:

— Сидорычъ, слышалъ, что нищій-то говорилъ?

— Слышалъ-съ, отвѣчалъ Сидорычъ.

— Что-же мнѣ теперь съ нимъ дѣлать?

— А вы подайте на него жалобу, что онъ вамъ не платитъ деньги, ну его и посадятъ въ тюрьму, совѣтовалъ Сидорычъ.

— И подамъ, непремѣнно подамъ, подамъ на мерзавца! Ахъ, чертъ его побери! вздумалъ у меня невѣсту отбить, онъ, нищій!

— Успокойся, хозяинъ, онъ сдуру это сказалъ, гдѣ ему женихомъ быть Гвоздиковской дочкѣ.

— У него вѣдь рожа-то ничего, смазлива, авось и подъѣдетъ къ денежкамъ-то.

— Гдѣ ему!

— Не говори этого. Дѣвица она молодая, онъ у нихъ часто бываетъ, можетъ и приглянулся ей.

— Это тоже пустое, Гвоздиковъ человѣкъ гордый, богатый, никогда за приказчика дочери не отдастъ.

— Обойдетъ его каналья Наумовъ, туманъ наведетъ и женится.

— Не бойся, хозяинъ, успокаивалъ Сидорычъ расходившагося Логинова, мы такъ устроимъ дѣло, что не женится Наумовъ на дочкѣ Гвоздикова.

— Что же сдѣлать?

— А вотъ что я придумалъ. Перво на перво мы подадимъ на него прошеніе.

— Это все пустое, сказалъ Логиновъ. Наумовъ сто рублевъ достанетъ и отдастъ.

— А можно и на другое кое-что подать жалобу, таинственно сказалъ Сидорычъ.

— А что такое? спросилъ живо Логиновъ.

— А сарай-то, что рядомъ съ нашимъ домомъ стоитъ, вѣдь Наумова?

— Наумова, недоумѣвая сказалъ Логиновъ.

— Взять его да и поджечь, а потомъ

и подать жалобу на Наумова, что дескать это онъ нарочно подпалилъ по злобѣ къ намъ.

— Да вѣдь мы сами сгоримъ.

— Нѣтъ, мы припасемся и нашъ домъ останется цѣлъ.

— Вотъ спасибо, Сидорычъ, радостно проговорилъ Логиновъ, обнимая слугу. Логиновъ долго жалъ руку своего приказчика и потомъ сказалъ:

— Не забуду я тебя за это, всю жизнь буду помнить.

На другой-же день старикъ Сидорычъ поздно ночью взялъ пукъ соломи, подложилъ ее подъ сарай Наумова и, зажегши ее, бѣгомъ пустился домой, гдѣ уже была припасена въ бочкахъ вода. Вскорѣ красное зарево освѣтило домъ Логинова.

ГЛАВА II.

Жалоба. Сватовство.

Пожаръ кончился. Сгорѣлъ только длинный сарай Наумова, а сосѣдніе дома остались цѣлы. Логиновъ и Сидорычъ сидѣли за большимъ столомъ.

— Пиши, что злодѣй Наумовъ хотѣлъ спалить мой домъ, говорилъ Логиновъ.

— Это точно, согласился Сидорычъ и началъ писать жалобу. Когда онъ написалъ, хозяинъ сказалъ ему:

— Ну-ка, Сидорычъ, прочитай.

Сидорычъ взялъ бумагу и началъ читать:

— Купецкій сынъ Никаноръ Андреевъ Наумовъ сего числа по злобѣ на

меня поджегъ свой сарай, дабы этимъ спалить и мой, стоящій рядомъ съ его сараемъ.

— Отлично, сказалъ Логиновъ, не читай, вижу, что хорошо.

Въ этотъ же день Логиновъ отнесъ жалобу въ судъ и пришедши домой сказалъ Сидорычу:

— Ну, Сидорычъ, наше дѣло авось и уладится.

— Знамо уладится, а Наумова въ тюрьму упрячутъ.

— То то-бы хорошо, сказалъ Логиновъ, больно ужъ я его не люблю.

— Ну, а какъ же на счетъ невѣсты?

— Это будетъ послѣ, прежде нужно удалить Наумова.

— Отдадутъ-ли за тебя, хозяинъ, дѣвицу?

— А чего не отдать?

— Да не молодъ ты.

— А какъ думаешь ты,—сколько мнѣ лѣтъ?

— Да лѣтъ семьдесятъ будетъ.

— Что ты врешь, дуракъ,—мнѣ всего 48.

— На лицо-то больше показываетъ.

— Молчи, дуракъ! вотъ хотѣлъ бы-

ло дать тебѣ на чай, да теперь шишъ получишь.

Сидорычъ сердито насупился.

— Полно, хозяинъ, ругаться, наконецъ сказалъ онъ, я еще тебѣ пригожусь.

— А ты не говори глупостей, уже ласково отвѣтилъ Логиновъ.

— Ну, будетъ объ этомъ, хозяинъ, а я хочу сказать тебѣ, что не хочешь-ли ты, чтобы я шелъ сватомъ отъ тебя къ Гвоздикову?

— Ты?

— Да, я.

— Съумѣешь-ли?

— Вотъ еще!

Тутъ Логиновъ упросилъ Сидорыча какъ можно лучше устроить дѣло сватовства и расхвалить его, а Сидорычу обѣщалъ три золотыхъ.

На другой-же день Сидорычъ отправился къ Гвоздикову. Послѣдній встрѣтилъ его ласково, какъ обходился со всѣми.

— Андрей Николаевичъ Гвоздиковъ былъ мужчина лѣтъ сорока пяти, полный и статный. Торговля у него шла громадная и въ Москвѣ и Петер-

бургѣ и въ провинціи. За отличное производство издѣлій на суконной и позументной фабрикѣ, Гвоздиковъ былъ даже представленъ Государю. Петръ Великій ласково принялъ его и съ тѣхъ поръ каждый разъ по пріѣздѣ въ Москву бывалъ у любимаго фабриканта въ гостяхъ, чему Гвоздиковъ несказанно бывалъ радъ. Теперь увидя вошедшаго Сидорыча, онъ весело сказалъ:

— А, любезный сосѣдушка, какими судьбами тебя занесло ко мнѣ?

— Провѣдать о твоемъ здоровьѣ, отвѣчалъ съ поклономъ Сидорычъ.

— Спасибо, дружище, а какъ твой хозяинъ поживаетъ?

— Ничего, слава Богу, онъ человѣкъ еще не старый.

— Конечно, но знаешь, и не старые прихварываютъ. Что онъ ко мнѣ никогда не пожалуетъ?

— А много дѣловъ у него, недосугъ.

— Какія-же дѣла? Небось все по судамъ ходитъ?

— Бываетъ и это. Нынче, батюшка Андрей Николаевичъ, народъ больно лютъ сталъ, такъ и наровитъ каждаго человѣка обидѣть, проговорилъ Сидо-

рычъ, утирая платкомъ свою лысину.

— Ну, твоего-то не обидятъ, не таковскій, замѣтилъ Гвоздиковъ.

— А всяко, батюшка, бываетъ. Всѣ-ли у васъ здоровы?

— Благодарствуй, всѣ здоровы.

— Надежда Андреевна какъ поживаетъ?

Чай жениховъ пропасть?

— Случается, да я все больше отказываю, молода еще у меня Надя, успѣетъ и замужемъ пожить.

— Полно, Андрей Миколаичъ, заговорилъ Сидорычъ, не говори этого, а лишь-бы нашелся женихъ получше, да постепеннѣе, такъ и съ Богомъ, такова ужъ участь дѣвицъ-то.

— Да и сама Надя еще не имѣетъ желанія идти замужъ, сказалъ Гвоздиковъ, видимо желавшій перемѣнить этотъ разговоръ.

— Это онѣ всѣ такъ говорятъ, а твоя воля родительская, за кого надумаешь, за того и отдашь, знамо зла дочери не пожелаешь.

— Да, но я притѣснять дочь не намѣренъ, отвѣтилъ Гвоздиковъ.

— А не ужто слушать нняго дѣвичьяго разсудка? Да мало ли она кого захочетъ, можетъ нищаго какого.

— Надя у меня дочь умная и покорная.

— Такъ-то такъ, знаю, но...

— Послушай, Сидорычъ, перебилъ свата Гвоздиковъ, да что ты все о дочкѣ моей толкуешь, ужъ не сватать-ли за кого хочешь?

— А хоть бы и такъ, сказалъ Сидорычъ, лукаво улыбаясь.

— Можетъ-ли быть!

— Истинно.

— За кого же?

— А это пока не скажу тебѣ.

— Секретъ?

— Секретъ.

— Ай да, Сидорычъ! Ха, ха, ха! засмѣялся Гвоздиковъ, вонъ онъ какую политику завелъ, а я и не смекнулъ по началу.

— Женихъ то больно хорошъ, Андрей Миколаичъ, началъ Сидорычъ, степенный и хоша не молодой, да и не очень старъ, а денегъ слава Богу дѣвать некуда, твоя дочь въ золотѣ купаться будетъ.

— На деньги я не льщусь, замѣтилъ Андрей Николаевичъ.

— Какъ такъ?

— По мнѣ-бы человѣкъ былъ хорошъ, а деньгами я самъ дамъ.

— Эхъ, Андрей Николаевичъ, укоризненно покачалъ головою Сидорычъ, все-то ты дѣлаешь по модному, заграничному, не даромъ тебя всѣ нѣмцемъ прозвали.

— Вотъ какъ, сказалъ Гвоздиковъ.

— Истинно. А ты живи такъ, какъ жили наши отцы и дѣды жили, будь строгъ къ дѣтямъ и потачки не давай.

— Я и не даю.

— Будь строгимъ, коли дѣвица заупрямится, она еще молода — своего счастья не знаетъ.

— Да кого сватаешь-то? спросилъ въ нетерпѣніи Гвоздиковъ.

— Женихъ хорошій, примѣрный...

— Я то не знаю его?

— Анъ знаешь.

— Кто же?

— А хоть-бы мой хозяинъ!

— Антонъ Логиновичъ! вскричалъ Гвоздиковъ.

— Антонъ Логиновичъ, повторилъ сватъ.

— Да ты, Сидорычъ, шутишь что-ли?

— Правду говорю, что за шутки.

— Если такъ, то оба вы — и ты и хозяинъ твой угорѣли видно.

— Какъ угорѣли?

— А такъ разсуди самъ: могу ли я дочь свою приневолить идти замужъ за Антона Логиновича, вѣдь онъ одной ногой въ гробѣ глядитъ.

— Господь съ тобой, Андрей Миколаичъ! Онъ будетъ поздоровѣе тебя.

— Не говори этого, Сидорычъ, знаю я его, онъ старъ и жениться ему грѣхъ и людей смѣшить.

— Значитъ, женихъ мой не нравится?

— Какой онъ женихъ, онъ моей Надѣ въ дѣды годится.

— Если такъ, то извини, поклонился Сидорычъ.

— Полно, чего извиняться.

— Мы будемъ искать въ другихъ мѣстахъ, авось гдѣ насъ и не забракуютъ, не будутъ посылать въ могилу, какъ другіе.

— Никакъ ты осердился? сказалъ Гвоздиковъ.

— Серчать нечего, твой товаръ, мой купецъ—прощенья просимъ.

— Куда-же ты, Сидорычъ, постой, вотъ выпьемъ и закусимъ.

— Благодарствую, Андрей Миколаичъ, признаться я безъ дѣла не охочъ пить; вотъ если бы наше дѣло уладилось, тогда бы на радостяхъ отчего не выпить.

— Полно, старикъ, не серди меня, говорю, дочь свою за старика не отдамъ.

— Какъ знаешь.

Сидорычъ поклонился и вышелъ. Дорогою онъ разговаривалъ самъ съ собою:

— Экой прыткій!.. Все старикъ, да старикъ! Вотъ каковъ-то молодой будетъ, увидимъ!...

ГЛАВА III.

Сердечная тайна.

Послѣ ухода Сидорыча, Андрей Николаевичъ отправился въ свѣтлицу своей дочери. Надя сидѣла у стола и разсматривала бусы, которые ей привезъ отецъ изъ Петербурга.

— Здравствуй, Надя, сказалъ Гвоздиковъ, цѣлуя дочь.

— Здравствуй, батюшка, какъ здоровъ, отвѣтила дѣвушка.

— Слава Богу. А я къ тебѣ съ новостью, Надя?

— Что такое, батюшка?

— Къ тебѣ женихъ сватается.

— Женихъ? покраснѣвши, сказала Надя.

— Да, женихъ. Угадай кто.

Дѣвушка молчала, только на бѣлоснѣжныхъ ея щечкахъ румянецъ игралъ все больше и больше.

— Не знаю, батюшка, наконецъ сказалъ она.

— Нашъ сосѣдъ.

— Сосѣдъ?

— Да, Антонъ Логиновичъ.

Дѣвушка вдругъ поблѣднѣла.

— Не пугайся Надя, я конечно ему отказалъ, какой онъ женихъ.

— О, добрый батюшка!

— Гдѣ же онъ могъ тебя видѣть?

— Сама не знаю, вѣрно въ церкви.

— Такъ не пойдешь за него? улыбаясь, сказалъ Гвоздиковъ.

— Твоя воля, батюшка.

— За кого-же хочешь?

— За кого прикажешь.

— А если прикажу за Логинова?

— И за него пойду.

— Ой, плутовка, знаешь, что отецъ не приневолитъ тебя, улыбнулся отецъ.

— Добрый батюшка! вскричала дочь.

— Ну, а скажи, Надя, твое сердце еще свободно?

Молодая дѣвушка молчала.

— Что-же ты не отвѣчаешь? Аль и правду любишь кого?

На глазахъ Нади показались слезы.

— Ну, полно, полно, не плачь, время еще терпитъ, еще не старая ты дѣва, успѣемъ и о женихѣ поговорить, сказалъ нѣжно отецъ. Онъ поцѣловалъ дочь и вышелъ. А Надя положила свою прелестную головку на руки и глубоко задумалась. Она думала о томъ, какъ была бы счастлива, живя съ любимымъ человѣкомъ, а человѣкъ этотъ былъ нашъ знакомецъ Наумовъ, приказчикъ ея отца. Они любили другъ друга нѣжно и страстно, но любовь ихъ была въ то время совершенно невинна, даже безгрѣшнаго поцѣлуя никогда не сорвалось съ губокъ молодой дѣвушки. Наумовъ любилъ Надю, какъ можетъ любить молодой красивый мужчина молодую дѣвушку, но она была слишкомъ высока для него. И въ самомъ дѣлѣ, какой онъ женихъ дочкѣ богатаго купца, онъ бѣдный приказчикъ. Но его любила Надя и онъ зналъ это, и былъ счастливъ, а о будущемъ.... онъ старался и не думать, во всемъ полагаясь на волю Божію.

Надя вспомнила, какъ она еще бывши дѣвочкой лѣтъ восьми въ первый разъ увидала Наумова. Его привела старушка мать къ Гвоздикову въ услуженіе.

— Сколько лѣтъ ему? спросилъ Гвоздиковъ.

— Двѣнадцать, отвѣтилъ мальчикъ.

— А звать какъ?

— Никаноромъ.

— Молодецъ парень.

Гвоздиковъ принялъ Наумова и съ тѣхъ поръ послѣдній поселился у него, сначала въ должности мальчика, а потомъ приказчика и наконецъ сталъ въ родѣ управляющаго. Гвоздиковъ любилъ его за умъ, за ловкость, за тихій нравъ и честность.

— Рѣдкій у меня приказчикъ Никаноръ Наумовъ, часто говорилъ Гвоздиковъ знакомымъ.

Надя полюбила тихаго Никанора какъ брата и часто дарила ему разныя игрушки и пряники. Потомъ, когда она стала дѣвушкой, она стала нѣсколько дичиться красиваго, кудряваго Никанора, а скоро узнала, что сердце ея всецѣло принадлежитъ ему. Надя вспомнила тотъ вечеръ, когда она не-

вольно проговорилась о своемъ чувствѣ. Это было на Святкахъ. Самъ Гвоздиковъ съ женой уѣхалъ въ гости, а Надя осталась только вдвоемъ съ старушкой няней. Вдругъ въ сѣняхъ раздались голоса.

— Кто тамъ? спросила няня.

— Пустите ряженыхъ, отвѣтилъ голосъ.

— Ой, грѣховодники, подите, подите, закричала старушка.

— Спиридоновна, голубушка, пусти ихъ, сказала Надя, мнѣ очень скучно.

— А родитель узнаетъ, бѣда и мнѣ и тебѣ.

— Голубушка, няня, ничего, я все ему разскажу и онъ не разсердится.

— Ну, ужъ будь по твоему, сказала старушка и отперла дверь.

Ряженые—ихъ было человѣкъ шесть, съ шумомъ вошли въ горницу и начались разныя пѣсни и прибаутки. Тутъ былъ и медвѣдь и коза и турка и трубочистъ и офицеръ. Надя съ любопытствомъ глядѣла на нихъ, но молчала, не рѣшаясь заговорить. Вдругъ медвѣдь подошелъ къ ней, взялъ ее за руки и говоритъ:

— Матушка госпожа моя Надежда Андреевна, что словечко не промолвишь.

— Это ты, Никаноръ? спросила Надя, узнавъ голосъ Наумова.

— Неужто узнала?

— Еще бы не узнать, вишь глаза твои черные глядятъ.

— Развѣ черные мои глаза? допытывался медвѣдь.

— Конечно, не бѣлые.

— А у тебя голубые, да такіе ясные, что будто небо Божіе.

— Ой, пусти, тихо сказала Надя, чувствуя какъ медвѣдь крѣпко жалъ ея руку.

— Лапушка моя ясная, вдругъ шепнулъ медвѣдь на ухо красавицѣ да шепнувши и чмокъ ее въ алую щечку. Запылало личико Нади, отшатнулась она, а сама смотритъ, не видалъ-ли кто, но другіе ряженые заняты были угощеніемъ, которое имъ принесла Спиридоновна.

— Да ты-ли это Никаноръ? спросила Надя медвѣдя.

— Истинно я, Надежда Андреевна.

— Ахъ, ты какой....

— Какой?

— Развѣ можно такъ... это не хорошо...

— Прости меня, не могъ я устоять, а какъ люблю то я тебя!

— Уходи отъ меня, замѣтятъ, сказала Надя.

— Ты гонишь меня?

— Не гоню, но уйди, пойдутъ толки.

— А то бы не прогнала?

— Больно любопытенъ.

— Уходи же, повторила Надя, отталкивая медвѣдя, да оттолкнувши и уронила ему съ ручки своей колечко бирюзовое. Взялъ колечко Никаноръ и крѣпко поцѣловалъ. А кругомъ пѣсни, пляски.

— Ну, ряженые, погостили, пора и по домамъ, сказала Спиридоновна, никакъ хозяинъ скоро вернется.

Ряженые поклонились и вышли.

Вскорѣ воротился дѣйствительно и Гвоздиковъ.

— Ну, какъ время провели? спросилъ онъ дочь и няню.

— Батюшка, прости насъ, сказала Надя.

— Не погнѣвайся, кормилецъ, прибавила старушка.

— Что такое?

— У насъ были ряженые.

— Какіе ряженые?

— Наши служащіе молодцы.

— Ну, это ничего, только не чужіе-ли кто?

— Нѣтъ, они сказались.

— Кто да кто?

— Былъ Никаноръ Наумовъ, былъ Василій Аграфенинъ, былъ....

— Это все Никаноровы выдумки, сказалъ Гвоздиковъ.

— Прости ему, кормилецъ, сказала Спиридоновна.

— Ничего, ничего я не сержусь, теперь и повеселиться можно, вѣдь на то и праздникъ, ласково сказалъ Гвоздиковъ.

И сталъ съ этихъ поръ Никаноръ Наумовъ каждый день и каждый часъ колечко Нади цѣловать и любоваться имъ. А что касается Нади, то ея сердце впервые забилось любовію. Она догодалась, что любитъ Никанора и мысли ея часто стали волновать ея кровь при воспоминаніи о красивомъ молодцѣ.

Въ настоящее время она сидѣла и вспомнила этотъ вечеръ на святкахъ.

Вдругъ дверь отворилась и вошла старушка Спиридоновна.

— Что ты дитятко, задумалась? спросила Няня.

— А сама не знаю, что-то дремлется.

— Знать, хворость приключилась.

— Богъ знаетъ.

— Испей водицы Святой.

— Пожалуй, няня.

— Да не сглазилъ-ли тебя кто?

— Не знаю, няня!

— Охъ, скрываешь ты отъ меня что-то, сказала старушка! заботливо вглядываясь въ питомицу.

— Няня, ко мнѣ женихъ сватается.

— Кто такой?

— Старый, нехорошій.

— Да кто же?

— Логиновъ.

— Сосѣдъ?!

— Да.

— Ахъ, онъ старый грибъ, да ему-ли свататься къ тебѣ! вскричала Спиридоновна.—Да онъ мизинца твоего не стоитъ, сморчекъ этакій.

— Да, няня, онъ не нравится мнѣ.

— Такъ объ этомъ-то ты и скучаешь?

— Да, няня.

— Да развѣ батюшка тебя отдастъ за него?

— Нѣтъ, за него не отдастъ, а за другого отдастъ.

— Знамо выдастъ, да за хорошаго, молодаго, красиваго.

— Тоже не пойду.

— Такъ въ дѣвицахъ хочешь остаться?

— Нѣтъ, няня, но...

— Не пойму, дитятко, что ты баешь, сказала няня.

— Голубушка няня, я люблю ужъ...

— Любишь?

— Люблю.

— Кого же?

Надя молчала и утирала слезы.

— За него батюшка и выдастъ...

— Не отдастъ за него.

— Почему?

— Онъ бѣдный.

— Да скажи кто? приставала няня.

— Никаноръ, тихо проговорила Надя.

— Какой Никаноръ?

— Наумовъ.

— Приказчикъ?

— Да, онъ.

— Господи Іисусе! вскричала Спиридоновна, такъ ты его любишь?

— Его, няня.

— Да какъ же можно тебѣ его любить, вѣдь онъ слуга твоего батюшки и притомъ бѣдный, а ты вѣдь дочь именитаго купца.

— Люблю, няня, твердила дѣвушка.

— Да чѣмъ онъ приворожилъ тебя? Ахъ, онъ грѣховникъ, нельзя тебѣ его любить.

— Люблю, повторила Надя.

— Господь съ тобой, дитятко, это съ тобой колдовство учинили, вотъ я знахарку призову.

— Люблю я Никанора Наумова, сказала Надя, и никогда больше не полюблю. Если батюшка меня выдастъ за другого—я умру.

— Послушай, моя кралечка, начала Спиридоновна, да какъ-же ты могла полюбить его?

— А сама не знаю няня, но люблю и такъ люблю какъ никого.

— Охъ, съ глазу это, съ глазу, дитятко, сказала Спиридоновна.

— Не знаю, но я люблю его, твердила Надя.

— Дитятко родимое, что-же будетъ изъ этой любви?

— Я все скажу батюшкѣ.

— Разгнѣваешь его. Какъ-же такъ ты полюбила его?

— А и сама не знаю.

И долго молодая дѣвушка говорила старушкѣ нянѣ о своей любви, а няня крестила дряхлою рукою свою питомицу.

Наступили сумерки. Снѣгъ крупными хлопьями валилъ съ облачнаго неба и залѣплялъ окна. Старушка убаюкивала дѣвушку разными сказками, и Надя задремала, шепча какія то слова любви своему милому. А кругомъ тишина, только котъ мурлыкалъ.

ГЛАВА IV.

Соперники. Приказный дьякъ.

Прошло послѣ пожара мѣсяцъ. Логиновъ сидѣлъ однажды съ Сидорычемъ и говорилъ ему:

— Слушай, Сидорычъ, что же мнѣ теперь дѣлать?

— То есть какъ?

— А вѣдь Гвоздиковъ не отдаетъ за меня свою дочь.

— Это вѣрно не отдастъ, поди какъ меня это встрѣтилъ, насказалъ что и хуже то тебя нѣтъ.

— Злодѣй онъ, сердито молвилъ Антонъ Логиновичъ, ну да еще погоди,

рано больно запѣлъ свою пѣсню. Я ему подведу такую каверзу, что будетъ долго меня помнить, кланяться будетъ, а я ужъ покуражусь надъ нимъ.

— Что же ты, хозяинъ, думаешь ему сотворить?

— Ужъ знаю, что, будетъ меня помнить, злобно сказалъ Логиновъ.

— Трудно съ нимъ сладить, силенъ онъ.

— Погоди, уже узнаешь. Жалобу на него подамъ.

— Какую жалобу?

— А напишу то, что его въ Сибирь сошлютъ.

— Дорого будетъ стоитъ.

— Не бойся, ничего не пожалѣю, а подведу его.

— А все этотъ Наумовъ.

— Онъ бездѣльникъ! вскричалъ Логиновъ. Онъ колдунъ, чародѣй, обошелъ Гвоздикова, тотъ предъ нимъ слово боится сказать. Ничего, погоди, будетъ онъ у меня валяться въ ногахъ, да будетъ поздно.

— Что-же ты съ нимъ сдѣлаешь?

— Ужо узнаешь.

— Вѣрно и дѣвица то его любитъ.

— Какая дѣвица?

— А дочь Гвоздикова.

— Ужъ онъ вѣрно приворожилъ ее.

Такъ разговаривали хозяинъ и прикащикъ, какъ вдругъ дверь отворилась и вошелъ Наумовъ.

Онъ вошелъ скромно, поклонился хозяину и сталъ довольно почтительно.

— Здравствуй, Антонъ Логиновичъ! проговорилъ онъ.

— Зачѣмъ пожаловалъ? строго спросилъ Логиновъ.

— А вотъ должекъ тебѣ принесъ.

Съ этимъ словомъ Наумовъ вынулъ изъ кармана деньги и положилъ ихъ предъ Логиновымъ. Тотъ молча отпихнулъ ихъ.

— Не нужно мнѣ твоихъ денегъ, сказалъ онъ.

— Какъ не нужно?

— Такъ.

— Да вѣдь я тебѣ долженъ? спросилъ Наумовъ.

— Долженъ, отвѣчалъ Логиновъ.

— Сто рублевъ?

— Сто рублевъ.

— Вотъ и бери ихъ.

— Не возьму.

— Почему-же?

— А потому, что судъ съ тебя стребуетъ, тогда и получу.

— Какой судъ!

— А такой судъ, что я на тебя жалобу подалъ, что ты мнѣ не платишь долгъ.

— Грѣшно такъ дѣлать, Антонъ Логиновичъ, сказалъ Наумовъ.

— Грѣшно тебѣ, отвѣчалъ Логиновъ.

— Почему мнѣ?

— За добро зломъ платишь.

— Да вѣдь я отдаю же тебѣ.

— Не въ деньгахъ дѣло.

— А въ чемъ же?

— Ну, ужъ молчи лучше.

— Да говори толкомъ, Антонъ Логиновичъ.

— Зачѣмъ ты невѣсту у меня отбилъ?

— Какую невѣсту?

— Надежду Андреевну.

— Ахъ, Антонъ Логиновичъ, съ ума ты сходишь на старости лѣтъ.

— Что ты, чертовъ пасынокъ, старикомъ меня называешь.

— А ты не ругайся, тебя не ругаютъ, сказалъ Наумовъ.

— Еще бы ты меня сталъ ругать.
— А и буду, если ты станешь.
— Ахъ, ты нищій, смѣешь-ли ты!
— Еще разъ говорю—не ругайся.
— Вѣкъ буду тебя ругать.
— Да и стоитъ, прибавилъ Сидорычъ.
— Коли такъ, я уйду, сказалъ Наумовъ, беря шапку.
— И уходи, и на глаза мнѣ не показывайся.
— А деньги возьмешь?
— Не возьму.
— Ну, какъ знаешь.
— Наумовъ взялъ обратно свои деньги.
— Бери, братъ, скоро стребуетъ съ тебя судъ, а тамъ что будетъ—увидишь.
— Прощай, спокойно сказалъ Наумовъ, уходя.
— Помнить будешь меня долго, сказалъ ему въ слѣдъ Логиновъ.
— Ладно, увидимъ, сказалъ Наумовъ.
Онъ ушелъ, а Сидорычъ сказалъ своему хозяину:
— Что-то наше дѣло ужъ больно тянется долго.
— Какое дѣло.
— А жалоба Наумова.

— Потерпимъ, а ужъ будетъ онъ въ Сибири.

— Дай-то Богъ, сказалъ Сидорычъ.

Они еще долго разговаривали о Наумовѣ, потомъ кто-то началъ стучаться въ дверь.

— Кто тутъ? спросилъ Сидорычъ.

— Я, отвѣчалъ голосъ.

— Никакъ Ардаліонъ Прокофьевичъ, сказалъ Логиновъ.

— Точно, я.

Дверь отворили и въ комнату вошелъ старичекъ съ громаднымъ горбомъ на спинѣ. Это былъ приказный дьякъ. Онъ низко поклонился Логинову и сказалъ:

— Крѣпко запираешься, Антонъ Логиновичъ.

— Нельзя, Ардаліонъ Прокофьевичъ, сказалъ Логиновъ, нынче злыхъ людей много, тотчасъ обворуютъ, а нѣтъ—такъ и убьютъ.

— Это точно, согласился дьякъ.

— Садись, да приказывай чѣмъ тебя потчивать?

— А ужъ знаешь чай что я люблю, засмѣялся гость и хлопнулъ себя по галстуку.

— А, водочки! Можно, можно. Сидорычъ, достань графинчикъ.

Скоро на столѣ появилось вино, закуска и пирогъ. Дьякъ съ большимъ аппетитомъ закусывалъ и выпивалъ.

— Ну-ка еще рюмочку, сказалъ Логиновъ.

— Не довольно-ли?

— Ну, не махонькій, не опьянѣешь.

Горбунъ еще выпилъ.

— Скажи-ка ты мнѣ, Ардаліонъ Прокофьевичъ, какъ идетъ мое дѣло?

— Какое дѣло?

— Жалоба на купеческаго сына Никанора Наумова.

— Объ чемъ жалоба?

— О поджогѣ.

— А, знаю.

— Ну что же?

— Скоро будетъ рѣшеніе.

— Въ чью пользу.

— Конечно въ твою, сказалъ дьякъ.

— Вотъ и отлично.

— Только ты не скупись.

— Ужъ для тебя не пожалѣю.

Теперь нужно сказать, что въ то время не было еще указа о гербовой бумагѣ. Мудрый этотъ сборъ весьма

уменьшилъ обширность дѣлъ, а по этому прежде были жалобы на всякіе пустяки, отчего и расплождались разные сутяги и челобитчики въ родѣ Лукьянова.

— Ну-ка еще рюмочку, сказалъ хозяинъ, наливая гостю водки.

— А пожалуй выпью.

— Скажи-ка мнѣ, Ардаліонъ Прокофьевичъ, вѣдь можно упрятать Наумова въ Сибирь?

— Можно, отвѣтилъ хвастливый горбунъ.

— И на долго?

— Хоть на всю жизнь.

— Вотъ бы хорошо.

— А ты кого хочешь?

— Никанора Наумова.

— И его упрячемъ въ Сибирь, проговорилъ дьякъ уже коснѣющимъ языкомъ.

— Хочется мнѣ бы его туда.

— Аль досадилъ?

— Онъ у Антона Логиновича невѣсту отбилъ, сказалъ Сидорычъ.

— Молчи, дуракъ? прикрикнулъ на него Логиновъ.

— Аль не правда?

— Молчи, говорю.

— Какую невѣсту? спросилъ дьякъ.

— Дочь купца Гвоздикова.

— А ты почемъ знаешь? спросилъ Логиновъ Сидорыча, строго взглянувъ на него.

Сидорычъ замолчалъ.

— Это Надежду Андреевну, сказалъ приказный дьякъ.

— Развѣ ты знаешь ее? спросилъ Логиновъ.

— Еще бы! Первая красавица на Москвѣ.

— Гдѣ ты видѣлъ ее?

— А ужъ это мое дѣло. А скажи мнѣ, Антонъ Логиновичъ, неужто ты хочешь къ ней свататься?

— А чего-бы и нѣтъ?

— Да помилуй, она тебѣ въ дочери годится.

— Да что вы меня всѣ старикомъ считаете!

— Да ужъ не молодъ.

— И не старъ.

— А Наумовъ тоже въ зятья къ Гвоздикову мѣтилъ?

— Вѣдь онъ околдовалъ Гвоздикова,

что захочетъ, то хозяинъ для него и сдѣлаетъ.

— А дочери небось не отдастъ.

— А чертъ его знаетъ.

— Такъ поэтому то ты на Наумова и жалобу подалъ.

— Вовсе нѣтъ, онъ хотѣлъ у меня домъ спалить.

— Зачѣмъ?

— По злобѣ на меня.

— А за это онъ отвѣтитъ.

— Дай то Богъ, кабы его въ тюрьму упрятали.

Въ скоромъ времени приказный дьякъ ушелъ, а Логиновъ сказалъ Сидорычу:

— Сидорычъ, какъ-бы мнѣ еще разъ попытаться посвататься къ дочери Гвоздикова.

— Иди самъ.

— И то думаю.

— Что же, ступай, самъ знамо лучше.

Логиновъ рѣшилъ идти самъ.

ГЛАВА V.

Роковая встрѣча.

Логиновъ на другой же день надѣлъ праздничный кафтанъ и отправился къ сосѣду Гвоздикову. Андрей Николаевичъ встрѣтилъ его радушно, угостилъ на славу и полюбопытствовалъ узнать причину посѣщенія рѣдкаго гостя. Дѣйствительно Логиновъ не былъ лѣтъ двадцать у своего сосѣда, да къ тому же Гвоздиковъ зналъ, что онъ и ни къ кому не ходитъ. Андрей Николаевичъ въ скоромъ времени догадался, что заставило придти къ нему Логинова. Поговорили о томъ, о другомъ.

— Какъ Надежда Андреевна поживаетъ? спросилъ Логиновъ.

— Слава Богу,

— Чай жениховъ много?

— Есть, да не тороплюсь выдавать.

— Слушай, Андрей Николаевичъ, сказалъ Логиновъ, будемъ говорить на прямки.

— Изволь. Что угодно?

— Что ты не хочешь отдать за меня свою дочь?

— Помилуй, Антонъ Логиновичъ, какой ты ей женихъ?

— Чѣмъ же не женихъ, слава Богу, не нищій.

— Не объ деньгахъ слово, а ты ужъ лѣтами-то вышелъ для нея.

— Да все ты объ моихъ годахъ, чай мнѣ не сто лѣтъ.

— Полсотни съ хвостикомъ вѣрно есть.

— Ну, ужъ ты и прибавилъ, мнѣ всего только сорокъ семь.

— Все равно, старъ для моей Нади.

— Нѣтъ, тутъ дѣло не въ моихъ годахъ.

— А въ чемъ же?

— У тебя ужъ есть женихъ для дочери.

— Ошибаешься, нѣтъ еще пока.

— Полно, сосѣдъ, не скрывайся.

— Я правду говорю.

— А я знаю, что есть.

— Знаешь?

— Знаю.

— Кто-же?

— Твой прикащикъ?

— Какой прикащикъ!

— Конечно, Наумовъ.

— Наумовъ?

Онъ самый.

— Ты никакъ угорѣлъ, сосѣдъ, сказалъ сердито Гвоздиковъ.

— Какъ такъ?

— Да пойми, съ какой стати я отдамъ свою дочь за прикащика, она у меня слава Богу не престарѣлая дѣва, али не опозоренная какая.

— Дѣвица молодая, все можетъ быть, сказалъ Логиновъ.

— Слушай, сосѣдъ, лучше ты замолчи, а то мы съ тобой будемъ ссориться. Скажи, пожалуйста, откуда ты узналъ эти сплетни?

— А вотъ знаю, значитъ, люди говорятъ.

— О, проклятыя сплетни! вскричалъ гнѣвно Гвоздиковъ.

— Да знаешь-ли ты, что мнѣ говорилъ Наумовъ?

— Что?

— Онъ говорилъ мнѣ, что скоро будетъ просить руки твоей дочери.

— Онъ это говорилъ?

— Говорилъ.

— Ахъ, онъ негодяй! вскричалъ Гвоздиковъ, да онъ вѣрно съ ума сошелъ! Вдругъ я отдамъ свою дочь за прикащика!

— Вѣрно надѣется.

Никогда этому не бывать.

Тутъ Гвоздиковъ такъ стукнулъ по столу кулакомъ, что стаканы попадали.

Логиновъ былъ очень радъ.

„Теперь онъ его прогонитъ, думалъ онъ объ Наумовѣ, — будетъ нищимъ шляться, собака поганая“.

Когда Логиновъ ушелъ, совершенно потерявши надежду имѣть женою Надежду Андреевну, Гвоздиковъ велѣлъ позвать къ себѣ Наумова.

Когда тотъ вошелъ, онъ спросилъ его:

— Давно-ли ты совѣсть свою потерялъ, бездѣльникъ?

Ошеломленный такими словами, Наумовъ долго не могъ отвѣтить. Вся кровь бросилась ему въ лицо отъ такихъ словъ хозяина, который прежде косо не смотрѣлъ на него, а не то чтобы ругалъ.

— Отвѣчай мнѣ, повторилъ Гвоздиковъ.

— Не понимаю я, хозяинъ, что ты такое говоришь, отвѣчалъ Наумовъ.

— А, не понимаешь, дурака строишь!

— Батюшка, Андрей Николаевичъ, скажи въ чемъ дѣло?

— Неблагодарный ты щенокъ послѣ всего этого, проговорилъ Гвоздиковъ.

— Лучше убейте меня, чѣмъ мучить.

— Зазнался ты.

— Чѣмъ же, Андрей Николаевичъ.

— Что ты говорилъ Логинову?

— Ничего не говорилъ.

— Отпираться!

— Что-же я говорилъ?

— Ты говорилъ, что твоя невѣста моя дочь?

Наумовъ поблѣднѣлъ и молчалъ.

— Да какъ ты смѣлъ это сказать? продолжалъ Гвоздиковъ.

— Простите, Андрей Николаевичъ!

— Какъ-ты могъ назвать себя женихомъ моей дочери?

— Андрей Николаевичъ!

— Молчи, неблагодарный!

— Андрей Николаевичъ!

— Ты мнѣ за добро отплатилъ черной неблагодарностію.

— Но что же я такое сдѣлалъ?

— Ты всѣмъ разсказываешь, что моя дочь твоя невѣста.

— Андрей Николаевичъ, мы любимъ другъ друга, тихо сказалъ Никаноръ.

— Что-о?

— Мы любимъ другъ друга.

— Да какъ ты смѣешь это говорить! закричалъ Гвоздиковъ.

— Но что-же мнѣ дѣлать?

— Негодяй ты! Всѣ могутъ подумать, что моя дочь Богъ знаетъ что, если лучше жениха не имѣетъ!

— Чѣмъ же я плохъ?

— Ахъ, ты бездомовная крыса, да какъ ты смѣешь это говорить? Да знаешь-ли ты, что моей дочери могутъ

быть женихами полковники и генералы!

— Андрей Николаевичъ, я буду работать, буду честнымъ человѣкомъ и добьюсь богатства.

— Молчи, неблагодарный!

— Андрей Николаевичъ!

— Прочь съ глазъ моихъ!

— Ты больно, Андрей Николаевичъ, ѣришь словамъ Логинова.

— Да, вѣрю.

— Онъ извѣстный сутяга.

— Во всякомъ случаѣ лучше тебя.

— Онъ меня отъ ревности опозорилъ.

— Уходи, несчастный!

— Прости, хозяинъ!

Никаноръ повалился въ ноги Гвоздикову, но сей и не взглянулъ на него.

— Сегодня же получишь разсчетъ и больше не являйся ко мнѣ.

Тутъ Гвоздиковъ всталъ и ушелъ въ другую комнату. Грустный отправился домой Наумовъ, проклиная въ душѣ сплетника Логинова. А Гвоздиковъ между тѣмъ вошелъ въ свѣтлицу дочери.

— Ну, Надежда, порадовала ты отца, сказалъ строго Гвоздиковъ.

— Что такое, батюшка? спросила испуганно Надя.

— Говори всю правду: что у васъ было съ Наумовымъ?

— Съ Наумовымъ?

— Да, съ моимъ прикащикомъ.

— Ничего, батюшка.

— Не ври, онъ говорилъ, что ты его невѣста.

— И правду говоритъ.

— Какъ такъ?

— Батюшка, прости меня!

— Что такое?

— Я люблю Никанора Наумова.

— Какъ ты смѣешь?

— Сердцу не запретишь.

— Гдѣ же видала ты его?

— Въ церкви.

— Разговаривала?

— Разговаривала.

— И обѣщалась быть его женой?

— Обѣщала.

— Непокорная дочь! закричалъ гнѣвно Гвоздиковъ. Запру я тебя въ монастырь и не увидишь ты его никогда!

— Батюшка!...

— Молчи. Если ты такъ поступаешь, я отдамъ тебя замужъ за Логинова.

— Батюшка!

— А твоего поганаго Никанорку я сегодня же прогналъ и нога его не будетъ въ моемъ домѣ.

Тутъ Надя слабо вскрикнула и упала на полъ.

Гвоздиковъ смягчился и нагнулся къ любимой дочери.

— Неужели она его такъ любитъ? подумалъ онъ.

Надя пришла въ себя и открыла глаза. Пришла Спиридоновна, а Гвоздиковъ вышелъ.

— Дитятко, что съ тобою? спросила няня, нѣжно смотря на дѣвушку.

— Ахъ, няня! сказала Надя, вѣдь батюшка знаетъ, что я люблю Никанора.

— Узналъ?

— Узналъ.

— Кто-же ему сказалъ?

— Не знаю.

— Это вѣрно наговорилъ ему Логиновъ, онъ сегодня былъ у твоего батюшки.

— Вѣрно онъ.

— Ну, и что же батюшка?

— Онъ сказалъ, что отдастъ меня замужъ за Логинова.

— Не пугайся, дитятко, это онъ только стращаетъ тебя.

— Или въ монастырь запретъ.

— Тоже пугаетъ.

— А бѣднаго Никанора...

— Ну?

— Онъ его прогналъ отъ себя.

— Прогналъ?

— Да. Ужъ онъ не будетъ больше у насъ прикащикомъ.

— Не горюй, дитятко, перемѣнитъ твой родитель гнѣвъ на милость.

— Ахъ, няня, какъ я несчастна!

— Потерпи и надѣйся, знаешь пословицу: перемелется—мука будетъ.

Но Надя не переставала плакать и на другой-же день слегла въ постель. А бѣдный Никаноръ Наумовъ, какъ громомъ пораженный словами своего хозяина, грустный ходилъ по улицамъ Москвы, не зная, что съ собой сдѣлать. Ему даже часто приходила мысль въ голову покончить свою жизнь, но молитва къ Господу удерживала его отъ сего грѣха. Онъ поселился въ маленькой квартиркѣ и все время страшно скучалъ. Однажды

вдругъ къ нему явился приказный дьякъ и сказалъ ему язвительнымъ голосомъ:

— А на тебя, Никаноръ Семеновичъ, жалоба въ судъ подана.

— Какая жалоба?

— Отъ Логинова.

— О чемъ?

— Взыскиваетъ съ тебя пять тысячъ серебряныхъ.

— Съ меня?!

— Да, съ тебя.

— За что-же?

— Будто ты хотѣлъ спалить его домъ.

— Ахъ, онъ негодяй, да я вѣрно знаю, что это онъ нарочно самъ поджегъ мой сарай.

— Этого ужъ я не знаю, сказалъ дьякъ.

— Да онъ извѣстный сутяга.

— Тоже не знаю.

— Какъ рѣшили его жалобу?

— Пока еще не извѣстно, у него есть доводы, что ты поджегъ нарочно его домъ, по злобѣ на него.

Когда дьякъ ушелъ, Никаноръ грустно опустилъ голову.

ГЛАВА VI.

Радостное извѣстіе.

Въ это время въ Москву пріѣхалъ Государь Петръ Великій. Андрей Николаевичъ Гвоздиковъ пошелъ его поздравить съ пріѣздомъ. Государь, одобрявшій торговлю, удостоивалъ особенною милостью тѣхъ купцовъ, которые умѣли входить въ мудрые виды преобразователя, заводили фабрики, часто торговали безъ барышей, лишь-бы усвоить царству запасную заграничную торговлю, тогда еще сухимъ путемъ, и вообще не останавливались въ предпріятіяхъ своихъ, ни мелкою корыстью, ни безчисленными затрудненіями. Гвоз-

диковъ извѣстенъ былъ съ этой стороны Государю, а поэтому неудивительно, что Государь принялъ его ласково и разспрашивалъ сначала о торговлѣ, потомъ о семействѣ и, узнавъ, что Надя невѣста, спросилъ есть-ли женихи.

— Много, Государь, да пока еще не думаю отдавать, отвѣчалъ Гвоздиковъ.

Въ этотъ день Государь обѣщался къ Гвоздикову пріѣхать обѣдать.

Когда Гвоздиковъ шелъ домой, на встрѣчу ему попался Логиновъ.

— Здравствуй, сосѣдъ, сказалъ онъ Гвоздикову.

— Здравствуй, Антонъ Логиновичъ.

— Что скажешь?

— А вотъ былъ у Государя, поздравилъ Его съ пріѣздомъ, обѣщался быть ко мнѣ обѣдать.

— Счастливецъ ты, Андрей Николаевичъ, какой чести удостоился, а вотъ у меня все неудачи и горе.

— Что такое?

— Твой прикащикъ Наумовъ на меня жалобу подалъ.

— О чемъ?

— Будто я напрасно у него деньги требую.

— Ахъ, онъ ябедникъ! вскричалъ въ сильномъ гнѣвѣ Гвоздиковъ.

Они разстались.

— Дай-ка я пойду справлюсь, какую это онъ тяжбу затѣялъ съ Логиновымъ, подумалъ Гвоздиковъ и пошелъ въ судъ.

Не успѣлъ онъ войти на крыльцо, какъ громкое ура возвѣстило о приближеніи Государя. Петръ Великій подъѣхалъ въ одноколкѣ и, увидавъ на крыльцѣ Гвоздикова, спросилъ:

— Ты зачѣмъ сюда пожаловалъ?

Тутъ Андрей Николаевичъ все подробно разсказалъ Государю и о томъ, что у него жилъ прикащикъ, котораго онъ очень любилъ, но потомъ онъ задумалъ всѣмъ говорить, что его невѣста дочь Гвоздикова, разсказалъ также и о томъ, что къ его дочери сватался купецъ Логиновъ и будто на этого Логинова Наумовъ подалъ жалобу.

— А Наумовъ хорошій былъ прикащикъ? спросилъ Царь.

— Сперва былъ примѣрный.

— А дочь твоя его любитъ?

— Любитъ.

— Отчего же ты не хочешь ее отдать за него? продолжалъ Государь.

— Да вотъ онъ оказался кляузникомъ, а это хуже всего.

— Ну, хорошо, сказалъ Государь ты отправляйся домой, а я все дѣло это разберу самъ.

Государь вошелъ въ присутствіе, приказалъ подать себѣ челобитную Наумова, но таковой не оказалось.

— Какая же поступила челобитная на счетъ Наумова?

— Отъ купца Логинова на Наумова.

— Читай.

— Тутъ дьякъ прочелъ челобитную, которую подалъ Логиновъ на Наумова.

— Какую же судъ учинилъ по этому дѣлу резолюцію? спросилъ Государь.

— Челобитная лишь сегодня поступила и не заслушана еще, отвѣчалъ дьякъ.

— Ну, такъ мы ее теперь заслушали и приговорили, сказалъ Петръ Великій; назначить безъ проволочки слѣдствіе и для того командируются: царь Петръ Алексѣевичъ и весь судъ, а присутствіе считать неоконченнымъ, пока не послѣдуетъ резолюція.

Господа судьи, ѣдемъ!

Но такъ какъ домъ Логинова отъ суда былъ близко, то всѣ пошли пѣшкомъ. Антонъ Логиновичъ и Сидорычъ встрѣтили судъ на крыльцѣ. Лука Сидорычъ и Логиновъ не знали, что вмѣстѣ съ судомъ идетъ и Царь, когда-же увидали Его то упали передъ нимъ ницъ. Царь вошелъ въ комнаты, не обращая на него вниманіе. Потомъ всѣ отправились свидѣтельствовать понесенные Логиновымъ отъ пожара убытки. Оказалось, что все цѣло.

— Ябедникъ! сказалъ Государь грозно. Я проучу тебя. Позовите отвѣтчика.

Явился печальный Никаноръ Наумовъ. Государь сказалъ ему ласково.

— Сей ябедникъ билъ на тебя челомъ неправильно. Иску извелъ на тебя на пять тысячъ. А судъ и Я, за такую ябеду въ наказаніе и въ примѣръ другимъ, приговорили: взыскать тѣ пять тысячъ съ него, истца—въ твою пользу... А какъ истецъ твой лишился всего состоянія, какъ онъ самъ то пишетъ въ жалобѣ, и товаровъ и дома, то видно эти хоромы и вещи—не его; а хозяина ближайшаго, какъ ты, не имѣет-

ся; посему домъ тотъ, и амбары со всѣми товарами, поступаютъ въ вѣчное твое и твоего потомства владѣніе. Дѣлай съ ними, что хочешь! Судъ немедленно введетъ тебя во владѣніе. Осмотрись въ твоемъ новомъ хозяйствѣ и приходи къ Гвоздикову обѣдать, а мы тебя тамъ обождемъ.

Подали одноколку. Государь уѣхалъ. Логиновъ бросился въ ноги Наумову и сталъ горько плакать и билъ себя въ грудь, и вопилъ ужаснымъ образомъ.

— Богъ съ тобой, Антонъ Логиновичъ, сказалъ Наумовъ, мнѣ чужого не нужно! Вотъ тебѣ сто рублевъ долгу, я продалъ послѣднее имущество... Вотъ деньги.. Прощай.

Никаноръ бросилъ деньги и побѣжалъ къ Гвоздикову.

ГЛАВА VII.

Лекарь.

Между тѣмъ Надя зная, что отецъ отказалъ Никанору отъ должности, горько плакала и тосковала и наконецъ совсѣмъ сдѣлалась больна. Рѣшили послать за докторомъ. Лекарь въ то время былъ на Москвѣ знаменитый нѣмецъ Верструмъ.

— Надо кровь пустить, сказалъ лекарь.

— Кому? спросилъ Государь, входя въ комнату.

— Наденькѣ, Наденькѣ! кричала

мать, не зная, что видитъ предъ собою Царя.

Государь посмотрѣлъ на нее съ улыбкой и весело сказалъ.

— Это не болѣзнь, а такъ разстройство. Надо ее пристроить. Тутъ Государь вкратцѣ разсказалъ все что случилось. Надя въ одно мгновеніе выздоровѣла. Государь сталъ торопить хозяина обѣдомъ. Начали подавать кушанья. Въ это время дверь отворилась и вошелъ Наумовъ.

— Поди сюда! сказалъ ласково Государь! что, кончилъ ты тяжбу съ этимъ ябедникомъ?

— Кончилъ.

— Какъ же кончилъ?

— Заплатилъ долгъ.

— Заплатилъ долгъ! вскричалъ Гвоздиковъ, да какъ ты осмѣлилъ ослушаться Государя?

— Я не ослушался. Государь мнѣ отдалъ сосѣднее имѣніе, да оно все-таки чужое, не мой трудъ; я и отдалъ его тому, чье оно; а долгъ я заплатилъ, продавши все свое имѣніе.

— Ты славный и честный человѣкъ,

сказалъ Государь и я буду твоимъ сватомъ.

Никаноръ вспыхнулъ съ радости.

— Это-ли еще не зять тебѣ? продолжалъ Петръ Великій, обращаясь къ Гвоздикову. Позвать моего деньщика.

Деньщикъ явился.

— Вася, сказалъ ему Государь, поѣзжай въ судъ и скажи, чтобы истецъ, по сегодняшнему дѣлу, уплатилъ безотлагательно пять тысячъ рублей отвѣтчику, еще сегодня, до захожденія солнца, деньгами или товаромъ по оцѣнкѣ купеческаго общества. А ты, Андрей, не сердись на Никанора, онъ будетъ хорошимъ зятемъ. Поцѣлуйтесь. Потомъ я за обѣдомъ сватомъ сяду, а послѣ сговора я ѣду въ Питеръ. Время у меня трудное. Война. Ужъ свадьбу извольте безъ меня сыграть. Царскій деньщикъ поѣхалъ къ Логинову и объявилъ Государевъ указъ. Когда послѣ обѣда Государь уѣхалъ отъ Гвоздикова, то Андрей Николаевичъ позвалъ Надю. Когда она вошла, то онъ сказалъ ей:

— Ну, Надя, теперь ты будешь женой Никанора, у него былъ сватомъ Государь Петръ Алексѣевичъ.

Надя бросилась въ ноги отцу.

— Батюшка, родной мой.

— Теперь поцѣлуйтесь.

Никаноръ и Надя поцѣловались. Въ тотъ-же день вечеромъ Никаноръ получилъ отъ Логинова пять тысячъ рублей, и Надя ложась спать говорила нянѣ.

— Вотъ какой, няня, у насъ благодѣтель Царь.

— Истинно благодѣтель, отвѣчала Спиридоновна.

— А ужъ бѣдный мой Никаноръ совсѣмъ съ горя опустился.

— Еще бы ему не горевать, вишь какъ онъ любитъ тебя.

— А ты почемъ знаешь?

— А какъ-же не знать, намедни на улицѣ встрѣтилъ меня и заплакалъ.

— О чемъ?

— Спиридоновна, говоритъ, ужъ какъ я люблю Надежду Андреевну, а мнѣ теперь не видать ее какъ ушей своихъ. Мнѣ, говоритъ, Андрей Николаевичъ и на глаза не велѣлъ показываться.

— Бѣдный Никаноръ.

— Потомъ говоритъ: скажи, Спиридоновна, барышнѣ, чтобы она меня не забывала, а потомъ убѣжалъ.

— О, я никогда-бы его не забыла.

— А если-бы тебя батюшка выдалъ.

— Я умерла-бы съ горя.

— А теперь вотъ и дождалась своего счастія.

— А все по милости батюшки Царя Петра Алексѣевича.

И обѣ женщины горячо стали молиться за обожаемаго Государя. А между тѣмъ и Никаноръ также молился за Царя, что Онъ сдѣлалъ его счастливымъ. Въ скоромъ времени онъ отправился къ своимъ родителямъ, которые жили верстъ за сорокъ отъ Москвы, объявлять имъ о своемъ счастьѣ. Пріѣхавши, онъ сказалъ:

— Батюшка и матушка, поздравьте меня, я женюсь! и онъ крѣпко обнялъ родителей.

— На комъ? спросили старики.

— На дочери моего хозяина.

— На Надеждѣ Андреевнѣ?

— Да, на ней.

Радость стариковъ была неописанная, когда они узнали, что у сына былъ сватъ Государь, который подарилъ ему пять тысячъ рублей. Они стали горячо молиться за избавителя своего Ника-

пора. Читатель, конечно, догадывается, что избавитель былъ никто иной, какъ Царь Петръ Алексѣевичъ.

— Вы знаете, кто натворилъ мнѣ столько зла? сказалъ Никаноръ.

— Кто?

— Логиновъ.

— Какой Логиновъ?

— Мой сосѣдъ. Онъ подалъ на меня ложную жалобу и наговорилъ на меня Гвоздикову и я чуть было не умеръ, если бы не Царь.

Прошло три дня и Никаноръ опять отправился въ Москву, гдѣ и была сыграна его свадьба съ дочерью Гвоздикова. Надя была подъ вѣнцемъ такая красавица, что только и были слышны возгласы изъ толпы зрителей:

— Красавица!

— Словно ангелъ небесный!

— А какъ стройна!

— И бѣла, словно снѣгъ!

— А глаза-то, точно небо ясное.

Всѣ эти мнѣнія слышала Надя и лицо ея горѣло отъ такихъ похвалъ. Хвалили и жениха. И дѣйствительно Никаноръ былъ молодецъ хоть куда: стройный, высокій, широкоплечій, кудрявый

Обвѣнчались и стали жить, вподнѣ наслаждаясь счастіемъ. Гвоздиковъ не могъ нахвалиться своимъ зятемъ, такъ послѣдній велъ себя хорошо и въ семействѣ и въ торговлѣ.

ГЛАВА VIII.

Новыя козни.

Прошелъ годъ. Однажды нашъ знакомецъ Логиновъ сидѣлъ съ своимъ любимцемъ Сидорычемъ и разговаривали о минувшемъ. Разговоръ зашелъ о Наумовѣ.

— Вотъ, Антонъ Логиновичъ, проговорилъ Сидорычъ, отбилъ Никаноръ у тебя невѣсту.

— Чортъ съ нимъ, отвѣчалъ Логиновъ, я другую невѣсту найду еще лучше.

— Все еще не оставилъ мысль объ женитьбѣ.

— А ты думаешь какъ?

— Состарился.

— Молчи, дуракъ.

— А вѣрно я говорю.

— И старше меня люди женятся.

— Бываетъ, да рѣдко.

— Что ты, Сидорычъ, все со мной споришь, развѣ я не знаю себя.

— Знаешь, да плохо.

— Ну будетъ объ этомъ, а вотъ я тебѣ что лучше скажу, какъ бы намъ опять притянуть къ суду Наумова?

— А какъ опять пять тысячъ заплатишь?

— Нужно дѣло будетъ устроить поумнѣе.

— Да что выдумать-то?

— А пока не знаю, не надумаешь-ли ты.

— Теперь не знаю.

— Подумай, Сидорычъ, я тебѣ заплачу.

— Ну, хозяинъ, плохо ты мнѣ платишь за труды мои.

— Какъ такъ?

— А вотъ за то дѣло мнѣ ничего и не далъ.

— Дуракъ ты, Сидорычъ.

— Почему?

— А потому, что знаешь, что то дѣло я проигралъ и пять тысячъ заплатилъ.

— А если теперь выигрышъ, то заплатишь?

— Заплачу.

— Ну инъ ладно, подумаю.

— Подумай, Сидорычъ.

— Все еще сердишься на Наумова?

— Какъ же мнѣ на него не сердиться.

— Придумалъ! закричалъ чрезъ нѣсколько минутъ Сидорычъ.

— Придумалъ?

— Придумалъ.

— Говори.

— Сколько дашь?

— А ты сперва скажи.

— Ладно, надуешь.

— Ей Богу, не надую.

— Давай задатокъ.

— Сколько?

— Пять цѣлкачей.

— Два.

— Три.

— Ну ладно.

Собесѣдники ударили по рукамъ.

— Говори, сказалъ Логиновъ.

— Давай деньги, сказалъ Сидорычъ.

Логиновъ подалъ ему три рублевика.

— Ужъ такое ли дѣльпе будетъ, сказалъ Сидорычъ.

— Въ тюрьму посадятъ Наумова?

— Въ Сибирь сошлютъ.

— Ну, говори.

— Слушай, у тебя есть огородъ?

— Есть.

— Въ томъ огородѣ много капусты?

— Много.

— Хорошо. А у Наумова есть корова.

— Есть. Но къ чему все это, я что-то плохо понимаю, проговорилъ Антонъ Логиновичъ.

— Погоди, сейчасъ узнаешь.

— Ну, говори.

— Корову Наумова мы загонимъ въ нашъ огородъ и потомъ подадимъ на него жалобу, что его корова у насъ съѣла капусту. Тутъ будетъ такое дѣло, что мы съ него за потрату взыщемъ тысячъ десять. А, каково?

— Молодецъ, Сидорычъ, сказалъ Логиновъ крѣпко пожалъ руку прикащика.

— Сколько дашь?

— Сколько взыщешь, половину тебѣ.

— Ну, инъ ладно.

Тутъ старые ябедники взяли бумагу и начали писать челобитную.

— Постой, остановилъ Логиновъ, прежде нужно загнать корову Наумова въ нашъ огородъ, а послѣ и жалобу напишемъ.

— Ну, инъ ладно.

На другой-же день, Сидорычъ осторожно загналъ корову Наумова въ огородъ своего хозяина и когда корова порядочно испортила капусты, онъ закричалъ.

— Караулъ, батюшки, помогите!

— Что случилось? спросили сосѣда.

— Корова Наумова всю капусту у насъ въ огородѣ испортила! отвѣчалъ хитрый Сидорычъ.

Въ этотъ-же день Никаноръ Наумовъ явился къ Логинову и сказалъ ему:

— Антонъ Логиновичъ, извини, что моя корова учинила у тебя въ огородѣ потраву, просто не знаю какимъ образомъ она очутилась у тебя въ огородѣ. Сколько стоитъ, я заплачу.

— Мнѣ, братъ, денегъ не надо, сказалъ Логиновъ.

— Что-же надо?

— Ужъ я знаю.

— Можетъ хочешь взять мою корову?

— У меня своихъ двадцать.

— Капусты тебѣ надо!!

— И капуста у меня есть.

— Чего же тебѣ нужно?

— Ступай, сосѣдъ, послѣ сдѣлаемся, проговорилъ Логиновъ.

— Ну, какъ знаешь, сказалъ Наумовъ и ушелъ.

Оставшись вдвоемъ съ Сидорычемъ, Логиновъ сказалъ ему:

— Пиши челобитную.

— Ладно, хозяинъ, сказалъ Сидорычъ и началъ писать:

„Доношу суду, что купеческій сынъ Никаноръ Наумовъ нарочно спустилъ свою корову въ мой огородъ и она учинила потраву на сумму двадцать тысячъ. Прошу судъ взыскать съ онаго Наумова означенные таковые двадцать тысячъ“.

— Хорошо? сказалъ Сидорычъ.

— Отлично, прибавь впрочемъ, что теперь я остался нищимъ и долженъ ходить по міру.

— Ладно, напишу.

И Сидорычъ написалъ сказанное въ жалобѣ. Потомъ сложилъ ее и сказалъ.

— Завтра подадимъ въ судъ.

— Конечно завтра.

А между тѣмъ Никаноръ Наумовъ пришедши домой, сказалъ женѣ:

— Надя, опять я поссорился съ сосѣдомъ.

— Съ Логиновымъ?

— Да.

— Изъ-за чего-же?

— Моя корова забралась въ его огородъ и учинила потраву.

— Ты ему заплати.

— Не беретъ.

— Отдай корову.

— Тоже не беретъ.

— Что-же онъ хочетъ?

— Ничего не говоритъ.

— Ужь не опять ли жалобу пишетъ?

— Богъ его знаетъ.

— Помирись, Никаноръ, избави Богъ отъ этихъ челобитень.

— Что мнѣ съ нимъ дѣлать, не хочетъ мириться, только говоритъ: ладно я не сержусь.

— Сходи опять къ нему.

— Все то же будетъ.

— Попробуй.

— Ладно схожу.

И Никаноръ опять отправился къ Логинову.

— Антонъ Логиновичъ, сказалъ онъ входя, давай мириться.

— Мнѣ нельзя съ тобой мириться, сказалъ Логиновъ.

— Почему?

— Твоя корова учинила у меня потраву.

— Я готовъ заплатить?

— Сколько?

— Сколько тебѣ нужно?

— Двадцать тысячъ.

— Двадцать тысячъ! вскричалъ Никаноръ, да ты съ ума сошелъ, Антонъ Логиновичъ!

— Пока еще въ полномъ умѣ.

— Да весь твой и дворъ и огородъ и сараи десяти тысячъ не стоятъ, а вѣдь моя корова съѣла у тебя не больше пяти кочней.

— Какъ знаешь.

— Вѣдь это грѣхъ, Антонъ Логиновичъ, поступать такъ съ сосѣдями.

— А тебѣ тоже грѣхъ такъ обижать бѣднаго человѣка.

— Чѣмъ я тебя обижаю? спросилъ Никаноръ.

— А корову свою въ огородъ мой пускаешь.

— Я вѣдь не нарочно,

— Не мое дѣло.

— Я готовъ тебѣ заплатить.

— Двадцать тысячъ?

— Этого никогда не получишь.

— Какъ знаешь.

— Подумай, Антонъ Логиновичъ, вѣдь лучше намь жить въ мирѣ и согласіи.

— Не я ссорюсь, а ты.

— Да вѣдь пойми, что корова была у меня привязана на дворѣ.

— Вѣрно пе крѣпко была привязана.

— Ужъ и не знаю, какъ она сорвалась.

— Это дѣло твое, любезный сосѣдушка, проговорилъ Логиновъ.

— Такъ не хочешь мириться?

— Не хочу.

— Ну какъ знаешь, сказалъ Никаноръ.

— Я взыщу съ тебя двадцать тысячъ

— Это тебѣ не удастся.

— А вотъ посмотримъ.

— Онъ струсилъ, шепнулъ Сидорычъ своему хозяину.

— Молчи, отвѣчалъ Антонъ Логиновичъ.

— Прощай, сосѣдъ, сказалъ Никаноръ.

— Прощай, сосѣдъ.

Никаноръ ушелъ. Надя спросила его.

— Ну, что помирился?

— Нѣтъ, не мирится.

— Что же онъ говоритъ?

— Требуетъ съ меня деньги.

— Сколько?

— Двадцат тысячъ.

— Боже мой! онъ съ ума сошелъ, вскричала Надя.

Никаноръ задумался.

ГЛАВА IX.

Два выстрѣла. Поимка разбойника.

Однажды поздно ночью Андрей Николаевичъ услыхалъ страшный шумъ. Въ сильномъ испугѣ онъ бросился на дворъ и сталъ прислушиваться. Вдругъ раздался выстрѣлъ, потомъ другой. Андрей Николаевичъ сталъ кричать и слугъ звать. Вотъ сбѣжалъ съ верху и Никаноръ.

— Батюшка, что случилось? спросилъ онъ.

— Ты слышалъ выстрѣлъ? спросилъ въ свою очередь Гвоздиковъ.

— Слышалъ.

— Кто-же стрѣлялъ?

— Я думалъ ты.

— Нѣтъ.

Вотъ засвѣтили фонарь и начали искать по двору. Долго искали, но никого не находили.

Уже всѣ пошли къ дому, какъ вдругъ одинъ работникъ закричалъ изъ угла двора:

— Ой, ой, помогите!

Всѣ бросились къ нему и увидали слѣдующее: работникъ лежалъ на землѣ, а какой-то неизвѣстный человѣкъ душилъ его за горло. Работники бросились на злодѣя и связали его. Около него лежали два пистолета. Когда свѣтъ отъ фонарей освѣтило эту часть двора, то всѣ увидали, что двѣ цѣпныя собаки мертвы.

— Злодѣй, сказалъ Гвоздиковъ, это онъ въ собакъ стрѣлялъ!

Разбойника связали и привели въ горницу. Это былъ здоровенный мужикъ самаго звѣрскаго вида. Онъ угрюмо смотрѣлъ внизъ и тяжело дышалъ.

— Что ты за человѣкъ? спросилъ Гвоздиковъ разбойника.

— Обнаковенный, отвѣчалъ злодѣй грубымъ голосомъ.

— Отвѣчай толкомъ.

— Говорю толкомъ.
— Какъ тебя зовутъ?
— Ивапомъ.
— Гдѣ живешь?
— Въ лѣсу.
— Въ какомъ?
— Въ обыкновенномъ.
— Далеко-ли отсюда?
— Далеко.
— Говори толкомъ, а то худо будетъ.
— Я не боюсь васъ.
— Зачѣмъ ты пришелъ сюда?
— Это мое дѣло.
— Зачѣмъ собакъ убилъ?
— Больно злы.
— Ты грабить пришелъ?
— Не знаю.
— Экой звѣрь, сказалъ Никаноръ.
— Ахъ, страшный какой! сказала Надя.

— Вотъ мы его свяжемъ покрѣпче, авось и разскажетъ все, проговорилъ Андрей Николаевичъ.

— Вяжите, сказалъ разбойникъ, а все равно ничего не узнаете.

— Связать его, приказалъ Гвоздиковъ и посадить въ погребъ, да смотрите караульте.

— Слушаемъ, сказали работники.

Разбойника связали канатомъ и посадили въ погребъ. Этимъ происшествіемъ были всѣ ужасно взволнованы и разговорамъ не было конца.

— Никогда ничего подобнаго у меня не случалось, проговорилъ Гвоздиковъ.

Никаноръ что-то раздумывалъ.

— Батюшка, тихо сказалъ онъ тестю, я хочу кое-что тебѣ сказать.

—. Что такое?

— Пойдемъ ко мнѣ.

И они ушли.

— Знаешь, батюшка, что я думаю, сказалъ Никаноръ.

— Что такое?

— Мнѣ думается, что этотъ воръ подосланъ Логиновымъ.

— Логиновымъ?

— Да.

— Но зачѣмъ?

— Вѣрно, чтобы натворить намъ злое.

— Но почему ты такъ думаешь?

— Потомъ, что я вѣрно знаю, что онъ самъ нарочно мою корову загналъ въ свой огородъ, чтобы подать на меня жалобу.

— Неужто?

— Вѣрно.

— Какъ же ты узналъ?

— Мнѣ сказалъ нашъ работникъ.

— Что же сказалъ?

— Онъ видѣлъ какъ Сидорычъ загонялъ корову.

— Каковъ бездѣльникъ! вскричалъ Гвоздиковъ.

— Ужь вѣрно онъ и вора подослалъ.

— Но зачѣмъ?

— Самъ не знаю.

— Нужно допытать у разбойника.

— Пожалуй ничего не скажетъ.

— Сначала пообѣщаемъ ему денегъ, если онъ скажетъ всю правду.

— А если не скажетъ?

— Тогда пригрозимъ тюрьмой.

— Отлично, батюшка.

Они отправились на утро въ погребъ, гдѣ заключенъ былъ разбойникъ.

— Послушай, сказалъ Никаноръ, если ты намъ всю правду скажешь, то мы наградимъ тебя деньгами.

— Мнѣ нечего говорить, отвѣтилъ разбойникъ.

— Скажи лучше.

— Ничего не знаю.

— Самъ ты пришелъ, или по чьему совѣту.

— Самъ.

— Никто не подговаривалъ?

— Никто.

— Вѣрно?

— Вѣрно.

— Ты врешь, Сказалъ Гвоздиковъ, я узналъ, что тебя подговорилъ идти въ мой домъ одинъ человѣкъ.

— Кто же? спросилъ злодѣй.

— Ты лучше меня знаешь.

— Не знаю никакого.

— Врешь?

— Не вѣрьте.

— Если ты будешь молчать, сказалъ Никаноръ, то сегодня тебя посадятъ въ тюрьму и сошлютъ въ Сибирь.

— Что хотите дѣлайте.

— Или онъ отъявленный негодяй, или точно самъ по себѣ пришелъ грабить насъ, сказалъ тихо Гвоздиковъ зятю.

— Именно, батюшка.

— И такъ ничего не скажешь?

— Ничего не скажу.

Почему?

— Ничего не знаю.

— Какъ знаешь. Заприте его.

Опять разбойника заперли.

— Что съ нимъ дѣлать? сказалъ Никаноръ.

— Передать стражѣ.

— Конечно.

Рѣшили преступника выдать стражѣ, что объявили злодѣю.

— Дѣлайте, что хотите, сказалъ онъ спокойно.

Наконецъ еще разъ хотѣлъ попытаться добиться истинны и спросилъ его:

— Зачѣмъ ты пришелъ къ намъ?

— Нужно.

— Грабить?

— Не знаю.

— Отвѣчай-же, худо будетъ.

— Не буду.

— Если скажешь правду то отпустимъ тебя.

— Ладно обманете.

— Клянусь, что не обманемъ.

Разбойникъ съ минуту думалъ. Никаноръ нарочно торопилъ его.

— Говори же!

— Я приходилъ къ вамъ воровать.

— Кто подговаривалъ?

— Никто.

— Самъ?

— Самъ.

— Зачѣмъ-же ты перестрѣлялъ собакъ нашихъ?

— Что бы они не кусали меня.

— Да вѣдь выстрѣлы ты зналъ, что разбудятъ насъ.

— Нѣтъ, не зналъ.

— Не спимъ-же мы такъ крѣпко,

— Я думалъ вы не услышите.

— А кто ты такой?

— Этого не скажу.

— Почему?

— Не могу.

— Отчего?

— Разбойникъ молчалъ.

— Скажи лучше, все равно тебя узнаютъ и тогда хуже будетъ:

— Не скажу.

— Э, братъ, ты врешь.

— Я говорилъ правду.

— Врешь, не обманешь.

— Теперь отпустуте меня я вамъ все сказалъ.

— Когда намъ скажешь кто ты.

— Зачѣмъ? вамъ.

— Нужно,

— Не скажу, рѣшительно сказалъ злодей.

— Если такъ, то будешь въ тюрьмѣ.

— Дѣло ваше

— Ведите его въ тюрьму? крикнулъ Никаноръ.

Работники повели разбойника, Онъ шелъ ни слова не говоря, но дойдя до воротъ остановился.

— Стойте, сказалъ онъ.

— Что тебѣ?

— Ведите къ хозяевамъ?

— Аль хочешь признаться?

— Не ваше дѣло,

Привели разбойника къ хозяевамъ.

— Что тебѣ? сказалъ Никаноръ.

— Развяжите меня.

— Зачѣмъ?

— Тогда все скажу.

Разбойника развязали но вокругъ его стояли работники.

— Простите виноватъ, сказалъ онъ низко кланяясь.

— Хочешь признаться?

— Хочу.

— Во всемъ?

— Во всемъ.

— Говори.

— Я хотѣлъ васъ ограбить...

— Да ты кто такой?

— Иванъ Рябой.

— Откуда?

— Изъ села Воскресенскаго.

— Почему надумалъ къ намъ идти воровать?

— Слышалъ, что вы богаты.

— А не подговаривалъ тебя никто?

— Нѣтъ.

— Врешь.

— Правду говорю.

— Лучше во всемъ признайся.

— Да, меня подговорили.

— Кто?

— Какой-то старикъ.

— Ограбить насъ.

— Нѣтъ...

— А зачѣмъ-же?

— Что-бы я убилъ вашихъ собакъ.

— Ты знаешь этого старика?

— Не знаю.

— Гдѣ же ты его увидалъ?

— Я шелъ по улицѣ, онъ остановилъ меня и сказалъ: хочешь заработать пять рублей? Я говорю хочу. Онъ мнѣ тогда сказалъ, что-бы я убилъ вашихъ собакъ.

— Какой изъ себя старикъ?
— Сѣдой.
— Горбоносый?
— Да.
— Вѣдь это Си́дорычъ, сказалъ Никаноръ Гвоздикову.
— Да, кажись онъ.
— И онъ тебѣ заплатилъ деньги.
— Половину отдалъ. а другую хотѣлъ отдать послѣ.
— Больше ничего не знаешь?
— Ничего.
— Ну, хорошо.
— Теперь отпустите?
Никаноръ и Гвоздиковъ посавѣтовавшись, рѣшили отпустить его. Тот-низко поклонился и сказалъ.
— Простите отцы родные, лукавый соблазнилъ меня!

ГЛАВА X.

Секретное совѣщаніе. Челобитная.

Между тѣмъ Логиновъ сидѣлъ со своимъ Сидорычемъ и тихо говорилъ ему:

— Ну, какъ дѣла?

— А у насъ двери крѣпко заперты? спросилъ Сидорычъ.

— Заперты.

— Что бы кто не подслушалъ.

— Не бойся, говори.

— Нашелъ, сказалъ Сидоровичъ.

— Ну?

— Вѣрно.

— Кого-же?

— Какого-то оборванца.

— Какъ же ты ему объяснилъ все дѣло? тихо спросилъ Логиновъ.

— Я ему далъ три рубля и велѣлъ бить собакъ у Гвоздикова.

— А какъ его поймаютъ?

— Кажись парень ловкій, не попадется, такой проныра.

— А какъ онъ все разскажетъ?

— Что?

— Что ты его подговорилъ?

— Пусть разскажетъ, онъ вѣдь меня не знаетъ.

— Можетъ примѣтилъ.

— Тогда было темно и онъ не могъ меня разглядѣть.

— Смотри, Сидорычъ, въ этомъ дѣлѣ нужно быть осторожнымъ, а то какъ разъ самъ попадешь на судъ.

— Не сумлевайся, Антонъ Логиновичъ, все дѣло обойдется хорошо.

— Ты велѣлъ послѣ сказать ему все?

— Кому?

— А тому оборванцу?

— Да.

— Гдѣ-же онъ тебя найдетъ?

— Я назначилъ ему мѣсто свидѣться.

— Гдѣ?

— У каменнаго моста.

— Когда-же ты пойдешь.

— Нужно скоро идти.

— Ну такъ ступай, а послѣ мнѣ все разскажи.

— Ладно, хозяинъ.

Сидорычъ ушелъ, а Логиновъ сталъ ходить по горницѣ.

— Славно какъ-бы наше дѣло уладилось, думалъ онъ. Когда-бы собакъ убили; то я бы опять всѣхъ коровъ увелъ бы у Гвоздикова и пустилъ бы въ свой огородъ, а то теперь сталъ Никанорка хитеръ, собакъ завелъ.

Поздно ночью вернулся Сидорычъ усталый и блѣдный.

— Ну, что спросилъ Логиновъ.

— Ждалъ, а онъ не пришелъ.

— Оборванецъ, котораго ты подговорилъ?

— Да.

— Что-же это значитъ?

— Его поймали.

— А можетъ онъ надулъ тебя.

— Можетъ быть.

— А если все разсказалъ Гвоздикову?

— Чортъ его знаетъ.

— Какъ бы намъ узнать живы-ли собаки у Гвоздикова?

— Это можно узнать.

— Какимъ образомъ?

— Я пойду самъ и буду стучать въ заборъ.

— Можетъ новыхъ купили.

— Такъ скоро не могутъ.

— Ну, ступай.

— Сейчасъ иду.

Сидорычъ ушелъ. Потомъ воротился и сказалъ:

— Собакъ нѣтъ.

— Вѣрно-ли.

— Вѣрно, я стучалъ долго, никто не пикнулъ.

— А сторожа?

— Они бросились на стукъ, но я спѣлъ убѣжать.

— Значитъ собакъ убили?

— Убили, согласился Сидорычъ.

— Но отчего-же не воротился этотъ оборванецъ?

— Его вѣрно задержали.

— Какъ-бы намъ это узнать?

— Можно и это.

— Какъ-же ты узнаешь! спросилъ Логиновъ.

— Найду какого нибудь работника Гвоздикова и распрошу.

— А если онъ не скажетъ.

— Глупый все раскажетъ.

— Умница ты, Сидорычъ.

— Все для тебя стараюсь, хозяинъ, а ужъ и ты меня не забывай.

— Говорю новый кафтанъ подарю, сказалъ Логиновъ.

На другой же день Сидорычъ отправился къ дому Гвоздикова и увидя одного работника, подошелъ къ нему и сказалъ:

— Здраствуй, Никитушка.

— Здраствуй, Сидорычъ.

— Каково поживаешь?

— Живемъ помаленьку.

— Все-ли у васъ благополучно?

— Не совсѣмъ, отвѣчалъ Никита.

— А что? спросилъ Сидорычъ.

— Да вчера вора поймали.

— Какъ вора?

— Да какъ.

— Что-же онъ укралъ?

— Еще не успѣлъ.

— А воровать пришелъ?

— Знамо воровать и собакъ нашихъ убилъ.

— Зачѣмъ-же онъ собакъ убилъ?

— А чтобы не лаяли.

— Гдѣ-же онъ?

— Разбойникъ-то?

— Да.

— А отпустили его.

— Зачѣмъ?

— Потому, что ничего не укралъ.

— Кто-же отпустилъ?

— Хозяинъ.

— Что-же стражѣ не отдали?

— Онъ сказалъ, что его подговорили, а не самъ онъ.

— Кто-же подговорилъ его? спросилъ Сидорычъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Какой-то старикъ.

— Онъ назвалъ его?

— Нѣтъ.

— Почему-же?

— Самъ, говоритъ, не знаю его.

— Такъ, такъ, сказалъ Сидорычъ, потомъ простился съ Никитой и отправился къ своему хозяину.

— Ну, Антонъ Логиновичъ, сказалъ онъ входя, наше дѣло ничего, выгорѣло.

— А что? спросилъ Логиновъ.

Сидорычъ разсказалъ ему все, что узналъ отъ Гвоздикова работника.

— А можетъ они и догадались, что это ты? сказалъ Логиновъ.

— Почемъ они могутъ догодаться?

— А такъ, сами.....

— Не бойся, не догадаются.

— А если?

— Да вѣдь будутъ только думать, что я, а на вѣрно не узнаютъ.

— Да, точно, согласился Логиновъ.

— Значитъ все таки наше дѣло идетъ хорошо.

— Молодецъ, Сидорычъ.

Вскоромъ времени Логиновъ надѣлъ шапку и вышелъ со двора.

Часа чрезъ три онъ вернулся и сказалъ Сидорычу:

— Я былъ въ судѣ.

— Ну, какъ наше дѣло?

— Скоро будетъ рѣшено.

— Въ чью пользу?

— Я думаю въ мою, мнѣ дьякъ говорилъ.

— Можетъ онъ обманываетъ.

— Кажись нѣтъ.

Въ это время въ судѣ дѣйствительно разсматривали жалобу Логинова на Никанора Наумова. Дѣло приняло для него очень худой оборотъ и дьякъ поспѣшилъ къ Наумову.

— Здравствуй, Никоноръ Семенычъ, сказалъ онъ входя.

— Здравствуй, Ардаліонъ Прокофьевичъ, отвѣчалъ Никаноръ, что скажешь хорошаго?

— Плохо дѣло твое.

— А что?

— Ты слышалъ, что на тебя Логиновъ подалъ челобитную?

Слышалъ.

— Онъ взыскиваетъ съ тебя двадцать тысячъ за потраву капусты твоей коровой.

— Знаю и это.

— Онъ дѣло такъ подвелъ, что тебѣ придется поплатиться.

— Я готовъ заплатить.

— Двадцать тысячъ?

— Нѣтъ, сколько съѣла корова.

— Онъ на это не помѣрится.

— Это его дѣло.

— Иди лучше, Никоноръ Семенычъ, къ Логинову и помирись съ нимъ.

— Я уже два раза ходилъ.

— И что же?

— Меньше двадцати тысячъ не беретъ.

— Каковъ скряга.

— Да, но впрочемъ онъ ничего не получитъ съ меня

— Это ты почему думаешь?

— А потому, что у меня есть свидѣтель, который видѣлъ, какъ Логиновъ нарочно самъ загналъ мою корову въ свой огородъ.

— Неужто? вскричалъ дьякъ.

— Истинно говорю тебѣ.

— Каковъ сутяга!

— И не говори, Ардаліонъ Прокофьевичъ, бѣдовый человѣкъ этотъ Логиновъ.

— Ужасный! Его и судъ ужъ сталъ понимать.

— А каково жить съ такимъ сосѣдомъ?

— Да, непріятно, проговорилъ дьякъ.

— Кажется пора-бы ужъ ему быть поумнѣе, сколько онъ, благодаря своему сутяжничеству денегъ перевелъ, сказалъ Никаноръ.

— И не говори, половину состоянія.

— А все не унимается.

— Когда нибудь да перестанетъ.

— Избави Богъ если опять Царь, тогда плохо будетъ Логинову.

— Истинно. Государь Петръ Алексѣевичъ терпѣть не можетъ ябедниковъ и кляузниковъ.

Послѣ сего; поговоривши еще кой о чемъ, дьякъ простился и ушелъ, а Никаноръ отправился къ тестю.

— Батюшка, сказалъ онъ, говорятъ Логиновъ надѣется съ меня получить двадцать тысячъ.

— Это ты почемъ знаешь?

— Мнѣ дьякъ сказалъ.

— Онъ былъ у тебя?

— Дьякъ?

— Да.

— Былъ.

— Не бойся, твое дѣло правое.

— Я и не боюсь, да непріятно, батюшка, по судамъ таскаться.

— Погоди, когда нибудь отучать его кляузничать

Потомъ Никаноръ пошелъ на верхъ къ женѣ. Надя встрѣтила мужа скучная и грустная.

— Что съ тобой? спросилъ ее Никаноръ.

— Я узнала, что съ тебя будто Логиновъ стребуетъ двадцать тысячъ.

— Пустое, Надя мое дѣло правое.

— А если? Тогда мы обѣднѣемъ.

— Говорю, не бойся, все будетъ хорошо.....

— Охъ, милый, что-то сердце мое тоскуетъ.

— Предъ радостью, Надя.

— Давай-то Богъ.

— Вотъ увидишь.

— У тебя былъ дьякъ Ардаліонъ Прокофьевичъ?

— Былъ.

Что онъ сказалъ

— Онъ сказалъ, что Логинова скоро не будутъ въ судъ пускать съ его жалобами.

— Ужасный сутяга этотъ Логиновъ.

Никаноръ ничего не отвѣтилъ, а крѣпко поцѣловалъ жену.

ГЛАВА XI.

Достойнѣе наказаніе.

Однажды, въ скоромъ времени послѣ посѣщенія дьяка Ардаліана Прокофьевича, Никоноръ шелъ по Тверской улицѣ и вдругъ услыхалъ громкое ура. Онъ спросилъ, что это значитъ.

— Государь ѣдетъ, отвѣчалъ ему народъ, продолжая кричать ура. Бросился за народомъ и Никаноръ и вскорѣ увидѣлъ царскую одноколку.

— Ура! закричалъ и Никаноръ.

Въ это время его замѣтилъ Государь и приказалъ деньщику своему привести его.

— Здрастиуй, Никаноръ, ласково сказалъ Петръ Великій тогда предъ

нимъ предсталъ Наумовъ, какъ дѣла твои.

— Плохо, Государь!

— Что такъ?

— Скоро нищимъ буду.

— Да говори толкомъ, въ нетерпѣніи сказалъ Петръ Великій.

— Логиновъ взыскиваетъ съ меня двадцать тысячъ.

— Какой Логино ъ?

— А тотъ самый купецъ, что и раньше на меня подавалъ челобитные.

— А, это тотъ, что который по моему приказу пять тысячь тебѣ отдалъ?

— Онъ самый.

— За что же онъ взыскиваетъ съ тебя двадцать тысячъ?

— А за то, что моя корова у него потраву въ огородѣ учинила.

— Какъ-же твоя корова очутилась у него въ огородѣ?

— Великій Государь, скааалъ Никаноръ, повѣрь, что я тебѣ скажу правду: Логиновъ самъ нарочно загналъ мою корову въ свой огородъ, чтобы она у него поѣла капусту, а послѣ, чтобы съ меня взыскать деньги.

— Ладно. Я все разузнаю, прогово-

рилъ Петръ Великій, потомъ приказалъ сѣсть рядомъ съ собою Никанору и поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ прямо въ судъ. Войдя въ Присутствіе, Государь приказалъ подать себѣ челобитную, купца Логинова. Прочитавши челобитную, Государь гнѣво проговорилъ:

— Ябедникъ! Я отучу его отъ кляузъ!

Потомъ Государь отправился въ домъ Логинова и грозно сказалъ кляузнику.

— Говори, на сколько съѣла у тебя корова Никанора?

— На три рубля, надежда Государь!

Проговоря сіи слова, Логиновъ повалился Царю въ ноги.

— Прости, Государь, никогда не буду!

— Зачѣмъ-же ты въ челобитной написалъ, что на двадцать тысячъ!

— Это я, Государь, по ошибкѣ!

— Что за шутки съ судомъ! грозно сказалъ Петръ Великій. Заплати же отвѣтчику двадцать тысячъ, да въ государственную казну три тысячи рублей за то, что ты съ государственною властю шутишь, а въ придачу, что-бы впередъ такого злодѣя всѣ знали и помнили его ябеды, быть тебѣ Капустинымъ, впередъ такъ и подписывайся,

да и то не на челобитныхъ, потому, что ни одной челобитной отъ тебя судъ не будетъ принимать. Я издалъ указъ, чтобы отъ Капустина не смѣли принимать никакихъ жалобъ.

Государь уѣхалъ. Никаноръ Наумовъ отъ всякаго иска былъ освобожденъ и отпущенъ. Всѣ послѣ сего начали поздравлять Капустина съ новой фамиліей, а онъ заперся въ своей комнатѣ и никуда носа не показывалъ.

Бывало куда нибудь онъ выйдетъ, а ужь ему кричатъ въ слѣдъ:

— Купецъ Капустинъ идетъ!

— Здравствуй, Капустинъ.

— Эй, старикъ, много-ли у тебя въ огородѣ кмпусты.

И такъ долго дразнили Капустина. Однажды одинъ шутникъ явился къ нему въ домъ и подалъ ему ящикъ, крѣпко перевязанный.

— Отъ кого? спросилъ Капустинъ.

— Велѣлъ отдать тебѣ.

Когда послѣ Антонъ Логиновичъ открылъ ящикъ, то увидалъ тамъ большой кочанъ капусты. И не могъ никуда показываться Капустинъ, что бы не услыхать:

— А, Капустинъ!
— Капустинъ идетъ?
— А Капустинъ набрасывался на Сидорыча и говорилъ ему сердито:
— Это ты, старый грибъ, все виноватъ!
— Чѣмъ-же я?
— Ты посовѣтывалъ мнѣ эту проклятую корову загнать въ огородъ.
— Самъ ты вздумалъ, а не я, отнѣкивается Сидорычъ.
Однажды Капустинъ сказалъ Сидорычу:
— Нужно намъ уѣхать съ тобой.
— Куда?
— Куда нибудь.
— Изъ Москвы?
— Да.
— Зачѣмъ-же?
— Да видишь мнѣ проходу не даютъ, все дразнятъ.
— Такъ поѣдемъ.
— Поѣдемъ, поѣдемъ.
— Куда-же?
— Куда хочешь, только здѣсь я не могу жить, силъ моихъ не хватаетъ, всякій мальчишка на меня пальцемъ указываетъ.
— Поѣдемъ въ Тверь.

— Ну, въ Тверь.

И собрались было пріятели въ Тверь, да не удалось: однажды Капустинъ сталъ обѣдать и вдругъ забывшись наѣлся капусты, а какъ вспомнилъ, то и душу Богу отдалъ.

Долго, долго на Москвѣ вспоминали Капустина.

Прошло много лѣтъ послѣ описанныхъ нами происшествій. Былъ чудный ясный весенній день. На дворѣ дома Гвоздикова ходилъ молодой человѣкъ. Лице его напоминало знакомца нащего Никанора Наумова, да и не мудрено, потому, что молодой человѣкъ былъ сынъ его Андрей.

Въ скоромъ времени къ нему вышелъ уже пожилой мущина. То былъ самъ Никаноръ.

— Батюшка, сказалп молодой человѣкъ, чей это домъ рядомъ съ нашимъ?

— Бывшій Капустина.

— Капустина?

— Да.

— Того самого, которому назначилъ прозвище самъ Царь Петръ Великій?

— Да, того.
— Гдѣ-же онъ?
— Онъ умеръ.
— За что же ему далъ Царь такое прозвище?
— Потому, что онъ былъ сутяга и ябедникъ.
— Почему-же Капустинымъ его прозвали.
Никаноръ разсказалъ.
— А гдѣ теперь его прикащикъ?
— Сидорычъ?
— Да
— Его убили
— Какъ убили?!
— Да, убили.
— Какимъ образомъ?
— Онъ шелъ по большой дорогѣ, на него напали разбойники и убили.
— Давно?
— Лѣтъ десять назадъ.
— Давно-ли умеръ Капустинъ?
— Двадцать лѣтъ.
— Ты помнишь его.
— Капустина?
— Да.
— Еще бы, хорошо помню.
— А чей теперь этотъ домъ?

— Который прежде былъ Капустина?

— Да.

— Андронова.

— Родственника Капустина?

— Нѣтъ, чужаго.

— Какой старый домъ.

— Мрачный домъ, сынъ мой.

— Бѣдный Капустинъ!

— Его нечего жалѣть, сынъ мой, онъ самъ былъ всему виноватъ, проговорилъ Никаноръ.

И часто такимъ образомъ отецъ и сынъ разговаривали и вспоминали о Капустинѣ И долго еше воспоминали о Капустинѣ не пропали у потомковъ Наумова, всѣ они другъ другу передавали подробности о странной фамиліи стараго ябедника, который не могъ жить безъ того, чтобы не подать на кого нибудь жалобу. Старый домъ его еще долго стоялъ, наконецъ и онъ не выдержалъ и рухнулъ и тогда на мѣстѣ появился другой новый великолѣпный домъ, который уже принадлежалъ Андрею Никаноровичу Наумову.

КОНЕЦЪ.

Хромо-Лит М. Т Соловьева, Долгоруковская 7..., лѣсной пер. соб. д. въ Москвѣ.

